

ИСТОРИЧЕСКАЯ  
АВАНТЮРА



Руслан МЕЛЬНИКОВ

Г  
О  
Л  
Е  
М

# Пленник реторты



«КРЫЛОВ»

Голем

Руслан Мельников

**Пленник реторты**

«Автор»

2009

## **Мельников Р. В.**

Пленник реторты / Р. В. Мельников — «Автор», 2009 — (Голем)

Войско гейнского пфальцграфа Дипольда Славного вторгается в Оберландмарку. Маркграф Верхних Земель Альфред Чернокнижник с помощью магиера Лебиуса наносит ответный удар. На восточных рубежах империи начинается невиданная война. Дальнобойные бомбарды стреляют ядрами, снаряженными смертным огнем и дымом. Не знающие жалости боевые големы топчут и рубят людей. Стальные руки механических рыцарей срывают подъемные мосты, а чудовищные булавы разносят крепостные ворота. В небе кружат крылатые лазутчики с человеческими глазами в птичьих черепах. А над захваченными замками и бургами курятся колдовские дымки новых магилабор-зал. Оберландская армия движется на запад...

## Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

# Руслан Мельников

## Пленник реторты

### *Обновленная авторская редакция*

## Глава 1

– Так, значит... Вот как, значит... Ага... Ну-ну...

Маркграф Альфред Оберландский, известный за пределами Верхних Земель под прозвищем Чернокнижник, осматривал новое орудие, установленное над замковыми воротами.

Странное это было орудие... Меньше и легче привычных крепостных бомбард – огромных, ребристых, кованных из железных полос, скрепленных, подобно пивным бочонкам, частыми кольцами. Скорее уж что-то вроде бомбарделлы<sup>1</sup>... Хотя нет, тоже не очень похоже. Ствол слишком длинный: шагов эдак в шесть-семь, не меньше. Неоправданно длинный ствол при довольно скромных размерах пушки. И бронзовый, к тому же, литой, с высверленным в толстых стенках каналом.

Сзади в бронзу, правда, входит прочная стальная пробка, которую едва ли вышибет при выстреле давлением пороховых газов. Собственно, это и не пробка вовсе, а, скорее, огромный болт-камера с глубокой внутренней выемкой для заряда, короткой, но крепкой и надежной резьбой, парой удобных рычагов-рукоятей по бокам и массивным широким клином, дополнительно подпирающим казну диковинной пушки. Альфред видел, как бомбардиры под чутким руководством прагсбургского мага и механика готовили орудие к предстоящей демонстрации. Сначала рывком поднимается запорный клин, затем, вместе с «пробкой», в два счета откручивается зарядная камера. Откручивается... Выдвигается... Проворачивается...

Приготовленный заранее в специальном «огнестрельном» мешочке пороховой заряд и небольшое ядро вкладываются не со ствола, а с казенной части. Подобным образом можно ускорить темп стрельбы, причем без потери убойной силы, как в случае со старыми маломощными веглерами<sup>2</sup>. Снаряженная камера вкручивалась настолько плотно, что казалось, будто стальная пробка сливалась с бронзовым стволом воедино. То ли здесь не обошлось без магии, то ли причина крылась в точной механике, тщательной обработке материалов и надлежащей подгонке деталей. Так или иначе, но на месте стыка практически не оставалось ни щелочки, ни сколь-либо заметного зазорчика. А значит, пороховым газам наружу не просочиться, и вся их сила уйдет на толкание ядра.

Длиннющий ствол чудной бомбарды лежал не в обычной дубовой колоде, будучи намертво скованным с ней железными обручами. За выступавшие по бокам цапфы он, подобно качелям или колодезному журавлю, крепился к устойчивой конструкции на толстых тугих пружинах и металлическом основании, дававшей возможность поворачивать орудие в любую сторону. Благодаря подвижности ствола, бомбардиры могли быстро и без особых усилий наводить пушку на цель как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости. При выстреле именно пружинистый лафет должен был принимать на себя большую часть отдачи и, упираясь массивным концом в плиты надвратной боевой площадки, отводить ее вниз. Кроме того, пушечное

---

<sup>1</sup> Небольшое средневековое орудие малого калибра.

<sup>2</sup> Казнозарядные орудия, использовавшиеся в средние века, но не выдержавшие конкуренции с дульнозарядными бомбардами. Веглеры отличались ненадежностью, часто разрывались при выстреле и из-за недостаточной обтюрации метали ядра на небольшое расстояние.

ложе имело прочную стальную ось, к которой можно прикрепить колеса, и тем самым превратить крепостное орудие в стреляющую повозку полевой артиллерии.

Подобные новшества, вне всякого сомнения, являлись полезными и достойными похвалы. Но вот самое главное... Жерло орудия. Узенькое, махонькое... Определенно, оно не шло ни в какое сравнение с огромными зевами добрых старых бомбард. Такое жерло не внушало ни доверия, ни уважения, ни – уж тем более – страха. Ядро приличных размеров туда не вкатишь. Отстреливаться же малыми бондоками<sup>3</sup> от тяжелой осадной артиллерии противника смешно и глупо. А как самим пробивать «орешками» каменные стены вражеских замков? В широкой, рассчитанной на крупные орудия, надвратной бойнице длинный узкий ствол смотрелся как-то совсем уж нелепо. Как хворостина, как прутик для ребяческих игр.

Альфред еще раз неторопливо обошел орудие. Глянул с одной стороны, с другой. Правая рука маркграфа огладила и хлопала орудийную бронзу. Левая – легла на эфес меча.

– Так, значит, да?..

Тонкие губы Властителя Верхних Земель кривились в недоверчивой полуулыбке, которую в любой момент могла сменить гримаса раздражения и ярости. В голосе слышались скептические нотки. Во взгляде читалось разочарование.

За Альфредом Оберландским молчаливой тенью следовал создатель новой пушки – магией и некромант, колдун и астролог, механикус и алхимик Лебиус Марагалиус. Беглый прагсбуржец, нашедший приют и покровительство в Оберландмарке, был в своем неизменном темном балахоне – просторном, ниспадающим вниз свободными складками. Голову магиера, как всегда, покрывал большой островерхий капюшон, напоминавший инквизиторский, а еще больше – палаческий. Ни бледного лица, спрятанного в тени широкого куколя, ни выражения глаз за смотровыми прорезями на плотной ткани разглядеть было невозможно.

Лебиуса сопровождала неотступная стража, не так давно приставленная к знатоку запретных темных искусств. Два опытных латника-ветерана с обнаженными клинками. Достаточно длинными для того, чтобы в одно мгновение дотянуться до магиевского капюшона и срубить его вместе с головой. В отдалении толпилась свита маркграфа. Оберландские бароны и рыцари недоуменно перешептывались, косясь на длинноствольное орудие.

Неподалеку дымилась закрытая жаровня на треноге. Возле жаровни лежал палик с уже вставленным в ушки фитилем. В стороне – на безопасном расстоянии и от огня, и от пушки – стоял короб с зарядными мешочками. Вокруг короба возвышались небольшие аккуратно уложенные пирамидки из ядер. Все было предусмотрено и подготовлено к стрельбе.

– Значит, это и есть твоя новая грозная бомбарда, колдун? – Альфред повернулся к Лебиусу.

– Совершенно верно, ваша светлость, – донеслось из-под капюшона. Голос магиера был неприятно скрипучим, но приятно заискивающим. – Как вы и велели, испытания пройдут сегодня. Сейчас...

– М-да, велел... – задумчиво протянул маркграф.

Альфред решил пока не торопиться с окончательными выводами. Все-таки механические големы Лебиуса, оказались ох как хороши. Может, и эта длинностволка еще покажет себя с лучшей стороны. Хотя... Со столь малым калибром... Сомнительно, очень сомнительно.

– Вас что-то смущает, ваша светлость? – осмелился поинтересоваться Лебиус.

– Да, смущает, – сухо отозвался Альфред.

Недобро прищурившись, маркграф переводил взгляд с магиера на пушку и с пушки на магиера.

– Выглядит, знаешь ли, твое хваленое орудие не очень м-м-м... устрашающе.

---

<sup>3</sup> Бондоком («орехом») в средние века называли пулю или ядро небольшой бомбарды.

– Внешность зачастую бывает обманчивой, ваша светлость, – вкрадчиво проговорил прагсбуржец. – А форма, случается, не соответствует содержанию. И первое впечатление, производимое на нас зримыми вещами, нередко оказывается ложным.

– Что ж, надеюсь, ты сможешь убедить меня в несостоятельности первого впечатления... – Альфред пренебрежительно мотнул головой, указав на длинный бронзовый ствол. – Причем, убедить с первого же выстрела. Иначе сам будешь привязан к жерлу своего орудия, а я лично поднесу к нему пальник. Второй раз твоя пушка выстрелит тобой. Ты все понял, Лебиус?

– Да-да, конечно, ваша светлость! – часто закивал островерхий капюшон. – Не сомневайтесь, все будет исполнено в лучшем виде...

– Как ты назвал свое новое детище? – Альфред Оберландский, как никто другой, умел менять тему разговора. – Это ведь не бомбарда. И не бомбарделла тоже. И не ручница-хандканнон. И не мортира. Как же нам ее именовать?

– Шланге, ваша светлость, – ответил Лебиус. – Змея<sup>4</sup>. Змея, способная жалить на расстоянии, станет прекрасным дополнением к вашим механическим големам, созданным для ближнего боя.

– Змея? – Альфред покосился на штандарт, вывешенный над замковыми воротами. Ветер колыхал тяжелую ткань с фамильным гербом маркграфа. В синих складках оберландского знамени лениво извивалась вышитая серебром змея. – Очень интересно... Твоя пушка плюется ядом?

– Может и ядом, – склонился магиерский куколь. – Если стрелять соответствующими снарядами. Но, вообще-то, причина такого названия кроется в другом. В длине ствола.

– А что, она настолько важна – длина ствола? – скривил губы Альфред. – ТАКАЯ длина?

– Длинный ствол придает снаряду больший разгон.

– Да? – с сомнением произнес маркграф. – В самом деле?

– Ваша светлость, – Лебиус приложил руки к груди, – орудие готово к испытанию, и, как только вы пожелаете...

– погоди, колдун, не торопись, – поморщившись, оборвал его маркграф. – Покажи сначала, чем ты, собственно, собираешься стрелять? Вот этими «орешками», надо полагать?

Альфред шагнул к невысоким пирамидкам из темных металлических шаров. Небольших, гладких, идеально круглых. То ли свинцовых, то ли облитых свинцом. Все ядра в точности соответствовали калибру орудия и, на первый взгляд, были похожи друг на друга, словно горошины, выкатившиеся из одного стручка. Только на некоторых виднелись фитили и пятна краски.

Маркграф взял первое попавшееся. Взвесил в руках. Осмотрел. Положил. Взял другое. Потом – третье...

– Осторожнее, ваша светлость! – всполошился вдруг Лебиус. Шагнув вперед, магиер прикрыл жаровню с углями. – Не подносите ядра близко к огню. Вне стен мастератории мне трудно контролировать огненную стихию. Здесь она может быть опасна.

Альфред только хмыкнул в ответ. Но, покрутив в руках очередной снаряд, все же положил его на прежнее место.

Нет, ядра, так похожие друг на друга, все же не были одинаковыми. Одни – цельные и увесистые: двумя руками едва удержишь. Другие – пустотелые, по всей видимости – полегче, состоящие, вероятно, из двух скрепленных между собой полусфер в свинцовой рубашке, с короткими толстыми фитилями, торчащими из деревянных пробок-заглушек, явно чем-то снаряженные и помеченные краской. Красной, белой, темно-синей и зеленой пятна. Видимо, чтобы не перепутать при стрельбе. Вот только – что с чем?

---

<sup>4</sup> Schlange (нем.) – змея, уж. В реальной средневековой Германии именно так называли длинноствольные дальнобойные кулеврины.



– Ну-ка, ну-ка, расскажи, колдун, что у тебя за бондоки такие? Из чего сделаны?

– Сверху слой мягкого свинца, – охотно пояснил магиер, щелкнув ногтем по тусклому серому металлу. – Для лучшей обтюрации. Благодаря ему снаряд плотнее прилегает к стенкам ствольного канала. Под свинцом – чугунок. Литое ядро из сплошного чугуна даже при невеликих размерах имеет значительную массу, а значит – большую разрушительную силу, нежели простой отесанный камень.

– И как далеко сможет выплунуть такой снаряд твоя бронзовая змея?

– В два, а то и в три раза дальше, чем каменное ядро, пущенное из обычной бомбарды, – ответил Лебиус. – И бьет она при этом гораздо точнее.

– Дальше? Точнее? – маркграф недоверчиво хмыкнул. – И как же, позволь спросить, достигается столь поразительный эффект? Неужели только за счет длины ствола?

– Не только, ваша светлость. Еще – за счет очищенной и специально обработанной оружейной бронзы, – принялся перечислять Лебиус. – За счет литого и ровно высверленного, а не выкованного абы как ствола. За счет спиральной нарезки на внутренних стенках, раскручивающей ядро и принуждающей его в полете буквально ввинчиваться в воздух. За счет усиленного заряда и особого гранулированного пороха. За счет лафетного ложа, позволяющего гасить отдачу, быстро поворачивать орудие в любую сторону и придавать ему нужный угол наклона. Здесь ведь все рассчитано до долей дюймов и градусов...

– Ага, и никакой магии? – усмехнулся маркграф. – И никаких алхимических фокусов?

Лебиус замялся:

– Разумеется, мною были использованы некоторые магические формулы и алхимические добавки для увеличения силы пороховых газов и укрепления ствола. Кроме того, «змея» обладает некоторыми м-м-м... нехарактерными для обычных бомбард свойствами, препятствующими образованию нагара. По большому счету, ее даже не нужно чистить. Все, что должно сгореть – сгорает в момент выстрела дотла и без остатка. Остальное – выбрасывается из ствола вовне. Но все же магическое и алхимическое вмешательство сведено мною к минимуму...

– Почему?

Прагсбуржец вздохнул:

– Видите ли, ваша светлость, огненный бой – та сфера, в которой излишнее рвение и злоупотребление тайными знаниями может навредить. Все-таки из пушек будут стрелять не опытные магиеры и алхимики, а простые солдаты.

– Верно, – согласился Альфред. – Итак, ты утверждаешь, что твое литое чугунное ядро полетит вдвое-втрое дальше, чем обычное каменное?

– А легкие снаряды поразят цель на еще большем расстоянии, – заверил Лебиус. Магиер нежно, будто женские округлости, погладил ядра, помеченные краской и снабженные фитилями: – Я говорю об этих гранатусах. Их изготовить сложнее, зато в бою они гораздо эффективнее.

– Гранатус? – переспросил Альфред, пробуя на язык незнакомое слово.

– Что значит – зернистый<sup>5</sup>, – уточнил магиер. – Здесь свинец и чугунок только снаружи. Изнутри ядра наполнены особой зернью.

– И что же у них внутри?

– О, там много всякого..., – под магиерский капюшон все же пробился лучик света. Стало видно, как по бледным губам Лебиуса скользнула улыбка. – Разного всякого... Взрывчатые смеси, мощь которых многократно превосходит силу пороховых зарядов. Горючие субстанции, способные плавить камень. Едкие растворы, прожигающие металл. Смертоносные дымы и газы, в которых задохнется любое живое существо. Этим снарядам надлежит разрываться в

---

<sup>5</sup> Латинское слово *granatus* (зернистый), действительно, дало название гранатам – как оружию, так и фруктам.



расположении врага, и уж их-то я под завязку набил губительной магической и алхимической начинкой. Содержимое гранатусов действует эффективно и беспощадно...

– А как долго оно действует?

– Недолго, ваша светлость. Пару-тройку минут, не больше. Но больше и не нужно. Больше никому не выдержать. Гранатусы предназначены для того, чтобы сломить сопротивление противника, но они не должны навредить вашим войнам и вашим големам, идущим в атаку. Принцип таков: смерть быстро собирает жатву, а после – рассеивается бесследно. И поле боя остается за вами. Чистое и совершенно безопасное.

– Хорошая задумка, – похвалил Альфред. – Но хватит болтать. Займемся делом. Где твои мишени, колдун?

– Первая во-о-он там, – широкий рукав мага указал куда-то за стену. – Видите повозку?

Альфред прищурился, всматриваясь вдаль.

– Возьмите это, ваша светлость, – Лебиус медленно, демонстративно медленно – чтобы не нервировать понапрасну стражей, стоявших у него за спиной – извлек из-под складок просторного балахона небольшую жестяную тубу и протянул ее маркграфу. – Будет лучше видно.

Альфред недоуменно повертел в руках продолговатый цилиндрический предмет.

– Что это?

– Смотровая трубка.

– Опять твои колдовские штучки? В этой жестянке заперт чей-то глаз?

– Всего лишь стекло, – ответил Лебиус. – Особым образом изогнутое и обработанное. Ну и еще небольшой магический кристаллик, усиливающий свойства линз. Трубка приближает то, что трудно увидеть издали. Смотреть нужно сюда, вот в это окошко...

Альфред поднес трубку к глазам, как было показано. И...

Надо же! Мир словно скакнул ему навстречу. То, что располагалось почти у горизонта, вдруг оказалось рядом: чудилось, руку протяни – и можно потрогать.

Маркграф отнял трубку от лица. Морок закончился. Окружающий мир стал прежним. Да уж, чудеса... Альфред снова взглянул в круглое, чуть выпуклое и поблескивающее окошко магиерского инструмента. И вновь маленький глазок смотровой трубки обратился в целый мир, где далекое становится близким, а близкое надвигается вплотную.

«Полезная игрушка, – решил Альфред. – Пожалуй, стоит оставить ее у себя».

– Это вам, ваша светлость, – Лебиус верно угадал ход его мыслей. – Подарок...

– Угу, – удовлетворенно буркнул маркграф, разглядывая окрестности. – Но все же... мишень-то твоя где?

– Извольте посмотреть чуть правее, – посоветовал Лебиус. Мягким осторожным касанием отклонил трубку в сторону. – Еще чуть-чуть. Теперь видите? Там, на дальнем склоне, где куча камней?

Да, теперь Альфред увидел. Опустил магиерский инструмент, проморгался. Посмотрел снова. Со смотровой трубкой. И без.

Разглядеть невооруженным глазом небольшую грязную повозку, поставленную среди огромных серых валунов, было затруднительно. А уж попасть в нее...

– Ты хочешь сказать, что сможешь достать отсюда эту телегу? – недоверчиво шевельнул бровями Альфред.

– С вашего позволения... – качнулся темный капюшон.

– Я позволяю. Действуй, колдун.

Маркграф отошел в сторону, держа смотровую трубку наготове. Лебиус несколько секунд повозился у лафета, наводя орудие на цель. Затем тонким металлическим штырем проткнул через затравочное отверстие уже уложенный в камору «огнестрельный» мешочек с зарядом.

Сверху насыпал горкой мелко истолченного пороха. Поджег пальник на углях жаровни. Поднес дымящийся фитиль к пушке...

Бухнуло.

Коротко дернувшийся в пружинистом ложе ствол выплюнул огонь и дым. Облачко, поднявшееся над крепостью, правда, вышло каким-то жиденьким. Да и звук выстрела был не так уж, чтобы очень громким. По сравнению с привычным-то оглушительным бомбардным грохотом!

Однако повозка-мишень вдруг подскочила, будто сама собой. Перевернулась, переломленная надвое. Полетели доски с разбитых бортов. Колесо, сорванное с задней оси, покатилося вниз по склону вслед за весело скачущим темным дымящимся шариком.

Вот это выстрел! Вот это меткость!

Когда потрясенный Альфред Оберландский, наконец, отнял от глаза магиерскую трубку, орудие вновь было готово к стрельбе.

– Ваша светлость, соизвольте обратить свой взор левее, – попросил Лебиус. – Нет, еще левее и еще дальше.

Еще левее и еще дальше – значительно дальше разбитой повозки – располагалась небольшая группка пленников из замковых темниц. Полдюжины человек, скованных цепью, оба конца которой были закреплены на скальных обломках. В магиерскую трубку хорошо просматривались нашейные и наручные кандалы, грязные лохмотья, изможденные лица. Пленники, которым тоже надлежало стать мишенью, волновались и вертели головами, бросая испуганные взгляды то на замок, то на разбитую повозку. Кто-то что-то кричал, кто-то махал руками. Кто-то плакал: через чудесную смотровую трубку Альфред различал даже влагу на впалых щеках.

– Теперь гранатус, ваша светлость! – словно сообщая о смене блюд на пиршественном столе, объявил Лебиус. – Огненный гранатус...

Тщательно наведя длинноствольного «змея» на новую цель, магиер пообещал:

– Это будет красиво. Очень. Хотите попробовать сами?

Поколебавшись секунду, Альфред кивнул. Встал у орудия. С горящим пальником в одной руке, со смотровой трубкой – в другой.

Да – было. Да – красиво. Да – очень. Колдун не обманул. Далекий беззвучный разрыв расцвел ярким кровавым бутонем над шестью маленькими, упавшими наземь человеческими фигурками. А после – огненные лепестки опустились вниз, накрыв собой неподвижные валуны и корчащихся между ними людей. Поднявшийся к небу дым был непроглядно черным, но объявшее камни пламя казалось удивительно чистым.

Прильнув к глазку магиерской трубки, Альфред Оберландский наблюдал, как обращается в пепел и уголья человеческая плоть, как раскаляется от жара скальная порода, как плавают толстые цепные звенья.

Огонь бушевал лишь пару минут. Затем – сник, опал, сошел на нет. Черное дымное облако порвало и унесло ветром.

– Желаете продолжить, или прикажете перейти к демонстрации ручных бомбард? – раздался над ухом маркграфа скрипучий вкрадчивый голос.

– Что? – Альфред не без труда заставил себя оторваться от смотровой чудо-трубки. Некоторое время потребовалось на то, чтобы привести в порядок мысли и успокоить чувства. – К чему перейти?

– Новые ручницы-хандканноны, – пояснил магиер. – Первая партия уже готова – ее сейчас принесут. И мишени тоже... Выведут. Вам должно понравиться, ваша светлость.

## Глава 2

– Выступать нужно сейчас, отец! Немедленно! С теми силами, что уже есть у нас в наличии! Каждый день отсрочки – это наш подарок оберландскому маркграфу и его колдуну. Это время, которое Альфред и Лебиус используют для создания новых големов и Бог весть чего еще!

Гейнский пфальцграф Дипольд Славный нервно мерил шагами знакомую с детства и с детства же нелюбимую приемную залу отца – огромную, гнетуще-пышную, давяще-торжественную, посеченную на правильные ровные сектора косым светом из узких окон-бойниц, увешанную расшитыми гобеленами и оружием. Да уж, оружием! Не боевые – декоративные, щедро украшенные камнями и золотом, но так ни разу и не обагренные кровью клинки, секиры, шестоперы, клевцы и чеканы кичливо поблескивали со стен не столько отточенной сталью, сколько богатством отделки.

Взволнованный пфальцграф не мог найти себе места в этих ненавистных покоях. Взволнованный? Нет – взбешенный пфальцграф не останавливался ни на секунду. Пфальцграф шагал. Туда-сюда. Сюда-туда. Зло вызывали по мозаичным плитам золоченые шпоры. На левом бедре привычно тяготил рыцарскую перевязь длинный клинок. А за просторным голенищем правого сапога, в нашитых изнутри кожаных ножнах-кармашке был спрятан потаенный нож, более приличествующего разбойнику, нежели особе благородных кровей.

Небольшой такой ножичек с простенькой плоской деревянной рукоятью и маленьким чуть изогнутым клинком. После плена в Оберландмарке (проклятый позорный плен!) Дипольд решил всегда иметь при себе какое-нибудь тайное оружие. Чтобы не бросалось в глаза врагу и чтобы всегда было под рукой.

Чтобы не повторилось пережитое уже однажды.

Лиходейский засапожный нож вполне для этого годился.

Дипольд все шагал и шагал, стремясь выплеснуть переполнявшие его чувства через ноги. Сдерживать себя становилось все труднее. Да и как?! Как сдерживаться, как проявлять подобающее уважение и почтение к родителю-сюзерену? К такому родителю? К такому сюзерену? Нарочито спокойному, невозмутимому, непробиваемому. Немногословному.

**НЕПОНИМАЮЩЕМУ!**

Как – если после плена и бегства; после опасного спуска по обходным горным и лесным тропам (только ноги коню и себе ломать на таких!) к западным рубежам Верхней Марки; после перехода границы (повезло невероятно: чудом удалось проскочить мимо оберландских разъездов и сторожей); после безумной (три загнанные лошади... нет, считай, четыре: четвертую, всю в мыле, приняли дальние дозоры на подступах к Вассершлосскому замку и, скорее всего, несчастная кобылка тоже издохла) скачки по землям Остланда; после выстраданной и взлелеянной мечты о мести... После всего – вдруг это непонимание!

– Ты не прав, Дипольд. Точнее, прав лишь наполовину, или нет, скорее, – на треть, а быть может, и вовсе на четверть. Каждый день отсрочки – это, прежде всего, возможность собрать новые отряды под знамена Остланда. Так что время, если, конечно, использовать его с умом, сейчас на нашей стороне...

Остландский курфюрст и герцог Вассершлосский, полноправный член имперского сейма выборщиков и главный претендент на корону кайзера, Карл Осторожный ронял слова тихо, неторопливо, с величавой ленцой. Обманчивой, обволакивающей... В голосе курфюрста не слышалось той жесткой стальной резкости, которой гейнский пфальцграф умудрялся пробуждать глухое недовольное эхо даже в обитой тяжелой гобеленовой тканью приемной зале. Не было в речи Карла ни напора, ни неукротимой злобы, пронизывавших каждое слово разъяренного Дипольда. Впрочем, никаких других эмоций в ней не было тоже. В том смысле, что насто-

ящих, искренних эмоций – нет. Зато имелось много напускного. Такого... В несколько слоев: не распутать, не раскопать.

Курфюрст, в отличие от сына, говорил не как боец или военачальник, привыкший отдавать приказы вперемижку с крепким солдатским словом. Карл Вассершлосский Осторожный вещал располагающе-вкрадчивым тоном мудрого управителя, открыто, а чаще – исподволь, повелевающего явными и тайными советами, состоящими из таких же, как он сам, искушенных хитрецов и мудрецов, тоном опытного политика и дипломата, чувствующего себя в путанных имперских интригах, как рыба в воде. Как дерево в лесу. Как семя, прорастающее в жирном черноземе.

Хозяин Остландских земель был невысоким мужчиной в весьма зрелых, однако еще не преклонных годах. Высокий лоб, изогнутый нос, благородная седина на висках и в бороде... Смуглое, худощавое, непроницаемо-приветливое лицо Карла уже расчертили явственно наметившиеся, но не достигшие еще старческих глубин морщины. Холодные карие глаза курфюрста взирали на мир и людей пытливо и внимательно. От таких глаз трудно укрыть даже самое сокровенное. Губы чуть кривились в вечной полуулыбке. Или полуухмылке. Насмешливой? Одобрительной? Поощрительной? Злорадной? Этого никому не дано было постичь до последнего момента, пока сам улыбающийся не соизволит объяснить. Доходчиво и внятно. Словом или поступком.

– Пока Альфред безвылазно сидит в своем горном логове, и пока большая часть остландских и имперских войск, способных... хотя бы теоретически способных выступить вместе с нами против Верхней Марки, не собрана воедино, отправляться в поход крайне неразумно, – в обычной своей убаюкивающе-неторопливой манере продолжал курфюрст.

Карл словно пытался опутать горячего пфальцграфа вязкими словесами и задавить – хотя бы на время – бушующий в душе сына огонь.

– Сначала надлежит обзавестись максимальным количеством союзников и свести в единую армию отряды, рассеянные по замкам, бургам, городам, дальним заставам и гарнизонным казармам. Нам следует объединить все силы, которые мы можем объединить. Стянуть их отовсюду, откуда возможно взять хотя бы одного солдата. И лишь после этого... И лишь тогда...

Вассершлосский герцог назидательно поднял палец. В косом солнечном луче блеснул отполированными гранями крупный самоцвет. Карл внушительно повторил:

– Тогда. И только тогда. И никак не раньше, сын.

Карл Осторожный, как всегда, не проявлял ни малейших признаков беспокойства. Внешне – не проявлял. И именно эта непробиваемая невозмутимость особенно бесила Дипольда.

Курфюрст сидел в не очень удобном, но внушительном мягком кресле с массивными изогнутыми подлокотниками и высокой... высоченной – много выше человеческого роста – резной спинкой. Кресло это, к слову сказать, являло собой почти точную копию императорского трона. Что, конечно же, было не случайно. Случайностей Карл Осторожный не любил. И умел избегать. Обычно. Как правило...

Сзади, в тени кресла-трона, застыл верный телохранитель, с потрохами и всем их содержимым преданный курфюрсту. Старый рубака при полном боевом доспехе, вооруженный мечом средней длины. Вполне подходящее оружие для боя как в просторных залах, так и в узких галереях замка...

Да и сам ветеран этот, уцелевший в бесчисленных стычках и войнах, тоже был в определенном смысле оружием – надежным, безотказным, не знающим пощады и сомнений. Отличный воин. Смышленный командир. Выходец из ландскнехтских низов, произведенный в рыцари и состоящий в личной гвардии герцога-благодетеля. Повелитель Остланда умел окружать себя верными людьми. По-настоящему верными, обязанными курфюрсту всем и все теряющими в случае его внезапной кончины.

Гвардеец за креслом был подобен бездушному предмету обстановки и напоминал, скорее, неподвижную статую, нежели человека из плоти и крови. Но Дипольд-то знал: статуя эта оживет, едва лишь над Карлом нависнет угроза, пусть даже тень угрозы. А ожив, – ударит. Молниеносно, сильно.

Насмерть.

Этого отцовского трабанта<sup>6</sup> Дипольд тоже помнил с раннего детства. Только вот имя... Как же его зовут-то? На «Ф» как-то. Фридрих. Или Фердинанд. Он не любил показной пышности рыцарских турниров и редко принимал в них участие. Но всякий, кто видел его в настоящем сражении или хотя бы на жестоких... очень жестоких тренировках курфюрстовой гвардии, крепко задумался бы, прежде чем бросить вызов такому сопернику. Даже у самого Дипольда, несмотря на всю его горячность и боевой задор, желания всерьез скрестить меч со старыми гвардейцами не возникало. А если и случалось порой такое, то не настолько сильным оно было, это желание, чтобы воплощать его в жизнь. От победы над безродным выскочкой-ландскнехтом все-таки славы мало. А случись поражение – позора не оберешься.

Впрочем, кое-какие уроки на тренировочном ристалище отцовских гвардейцев Дипольд, бывало, брал. Уроки не рыцарского боя – иного. Лютой, жестокой драки на выживание. Обучался так... на всякий случай, больше потехи ради. И ведь пригодилась же наука! В оберландской темнице, к примеру, когда ломал руку Сипатому. Кстати, как носить нож в голенище – скрытно, на разбойничий манер – Дипольду тоже показали именно бывшие ландскнехты, возвышенные Карлом.

Фридрих-Фердинанд стоял навытяжку, готовый вступить в бой в любую секунду. С кем угодно. Прозвучал бы только приказ господина. Был бы только дан знак. Остландский курфюрст, наоборот, восседал в расслабленной позе. Уперев правый локоть в широкий отполированный подлокотник и положив подбородок на пальцы, поблескивающие перстнями, Карл наблюдал за вернувшимся сыном. И не выказывал никаких чувств.

Карл Осторожный вообще никогда не шел на поводу у чувств. Даже узнав о пленении единственного наследника, Вассершлосский герцог не совершил ни одного опрометчивого поступка, о котором впоследствии мог бы пожалеть и он сам, и заложник оберландского Чернокнижника. Курфюрст вел себя как обычно: расчетливо и предусмотрительно, не теряя здравомыслия и хладности рассудка, не поддаваясь страстям. Чего ему это стоило... Трудно было сказать что-либо определенное, глядя на невозмутимое лицо Карла. Но вот седины в волосах курфюрста в последнее время заметно прибавилось.

Посольство, отправленное в Верхнюю Марку, личный визит в Нидербург и предварительные тайные переговоры с кайзером и соседями – да, все это было. Но явных приготовлений к военному походу, способных насторожить оберландцев и стоять жизни пленнику, остландский курфюрст не начинал до последнего момента.

Лишь когда радостная весть о чудесном спасении Дипольда достигла ушей Карла, в Остланде всерьез и открыто заговорили о возможной войне. О большой войне. И это были не пустые разговоры. Однако темпы подготовки к предстоящей кампании не устраивали нетерпеливого Дипольда. Основательность, обстоятельность и неторопливость, с которыми, по своему обыкновению, подходил к решению любой важной проблемы – и к этой, разумеется, тоже – Карл Осторожный, выводили пфальцграфа из себя.

А черепашня скорость передвижения войск, следующих из дальних провинций по необъятным просторам Остланда и дружественных княжеств, герцогств и графств! А разбитые дороги! А тяжелые артиллерийские обозы! А вечно недостающие запасы продовольствия и фуража! А неспешные рекрутинговые наборы и разорительные авансовые выплаты жадным наемникам!.. Неповоротливая военная машина, разбросанная по множеству земель и крепо-

---

<sup>6</sup> Трабант (драбант) в данном случае – телохранитель.

стей, повязанная путаными вассальными отношениями и сокрытыми экономическими интересами, шевелилась, как всегда, вяло и неохотно. Подготовка к войне грозила затянуться не на одну неделю и не на один месяц.

## Глава 3

– Ты не понимаешь, отец! – Дипольд сильно, до хруста в костяшках, сжал кулаки, словно пытаюсь удержать в ладонях рвущуюся наружу злость. – Ты не видел оберландского голема! Ты не знаешь, что это такое!

– Ошибаешься, я все прекрасно понимаю, – со вздохом ответил Карл. – Да, я не видел голема собственными глазами. Но я знаю...

– Что?! – Дипольд все же сорвался на крик. – Что?! Ты?! Можешь?! Знать?!

– О том, что произошло в Нидербурге, я знаю все, – Карл говорил все так же спокойно, не повышая голоса. – Я лично разговаривал со свидетелями турнира и твоего...

Неловкая короткая пауза. Еще один сочувствующий (и это-то, именно это – хуже всего!) вздох.

– ... твоего пленения.

«Пленения!»

Пфальцграф вспыхнул. И – замолчал. Пересохшую глотку словно сдавила стальная рука голема. Сжатые в кулаки пальцы отказывались разжиматься. Кулаки будто свело судорогой.

«Пле-не-ни-я!»

Любой плен – это позор. И даже если удалось благополучно сбежать из темницы Черно-книжника, позор еще не смыт. А смыть – сразу, быстро, жестоко, кровью, большой кровью, потоками крови – ему, Дипольду Славному, препятствуют! Не дают ему этого! Не позволяют! Мешают! И кто?! Родной отец!

– Оберландского стального рыцаря мне описали во всех подробностях, – пользуюсь немой, овладевшей устами сына, продолжал Карл. – И о том, на что он способен – рассказали тоже. Именно поэтому я говорю тебе еще раз, и повторю снова столько, сколько потребуется: торопиться с этой кампанией нельзя. Нам нужно выждать и подготовиться, Дипольд. Благоприятный момент, выбранный для удара по врагу – это уже половина победы. А кидаться в бой без должной подготовки, очертя голову, значит наполовину лишиться... И победы, и собственной головы.

Дипольд застонал. Ох уж эта проклятая, ставшая притчей во языцех, осторожность отца! Да, благодаря ей, Карл Остландский не проиграл еще ни одной битвы. Ну, а много ли он их выиграл? Настоящих кровавых сражений? Нет, совсем немного. Раз, два... ну три... ну четыре... Да и те все – незначительные приграничные стычки. Большая же часть успехов отца – результат умелой политики и прочей сопутствующей ей грязи. Лукавая дипломатия и хитрые интриги, мастерское разжигание раздоров во вражеских станах и тайные убийства соперников (этим отец тоже не гнушался – благо, в его распоряжении всегда были верные гвардейцы, посвященные в рыцари, но имевшие весьма отдаленные представления о рыцарской чести), подлые подкупы и выгодные временные союзы, экономические реформы, укрепляющие положение Остланда и, конечно же, торговля, торговля, торговля... – вот чем добивался своего его сиятельство герцог Вассершлосский, курфюрст Остландский.

Воевать осторожнейший из курфюрстов не любил. Скрежету боевой стали Карл всегда предпочитал чарующий звон монет, а при необходимости умел ловко использовать обман и – терпеливо – время. Если нужно – много времени, а если очень нужно – очень много... «Для достижения великой цели хороши любые средства», – любил говаривать Дипольду родитель. Да, возможно, где-то в чем-то так и нужно. Но не сейчас. Но не теперь. Победа над Верхней Маркой – та самая благая цель, единственным верным средством в достижении которой может стать только война. Решительная. Стремительная. Жестокая. Беспощадная. Развязанная без задержки и постыдного промедления. Дипольд Славный был убежден в этом твердо.

– Сколько мы еще должны ждать, отец? – процедил сквозь зубы пфальцграф.



– Ровно столько, сколько потребуется, Дипольд. Не больше, но и не меньше. Гонцы уже посланы к курфюрстам и наиболее могущественным герцогам империи. О сборе войск будут извещены все мои вассалы и соседи. И соседи соседей. Сам же я намерен просить помощи у его величества.

– У кайзера?! – презрительно выплюнул Дипольд. – Какую помощь может оказать Альберт Немошный?! Зачем вообще тратить время на эту коронованную марионетку?

Карл чуть свел брови. Вообще-то, чтобы добиться подобного эффекта, следовало сильно постараться. Голос остландского курфюрста посуровел:

– Не нужно столь пренебрежительно отзываться об императорской власти, сын.

Ах, да, конечно! Его сиятельство тоже ведь прочат в кайзеры. Дипольд хмыкнул, покосившись на отцовское тронобразное кресло. И спрятал усмешку, взглянув дальше – за кресло. На живую статую в броне, и с мечом у пояса.

И с рукой на мече.

Действительно, не нужно. Вот так открыто – не нужно...

– Император, сколь бы он ни был слаб, все же может собрать под свои знамена немалые войска, – продолжил Карл прежним тоном. – Пусть не свои, а чужие. Но нам-то какая разница, Дипольд? Кроме того, речи Альберта способны вдохновить и объединить в борьбе против Верхней Марки многих из тех, кто не пожелает прислушаться к моим речам. Конечно, это произойдет лишь в том случае, если императорский призыв прозвучит достаточно убедительно. Я поеду ко двору, в том числе и для того, чтобы подсказать его величеству нужные слова.

– Не будь ты столь осторожным и медлительным, отец, ты бы давно уже занимал императорский трон, а не эту свою подделку, – не удержался-таки от упрёка Дипольд. – И с полным на то правом сам говорил бы слова, которые считаешь нужными, вместо того, чтобы вкладывать их в уста другого.

Глаза Карл прищурились. То ли в сдерживаемом гневе, то ли в скрытой насмешке – не понять.

– Не будь я столь осторожным и медлительным, сын, меня, возможно, не было бы уже вообще... В живых не было бы. И уж по крайней мере, я не находился бы так близко к трону, как сейчас.

«Так близко к трону»? Интересно, что отец имеет в виду? Что он вхож в покои императора, как Дипольд – в его покои? Или что он вот-вот займет этот самый трон? А если верно второе, то насколько скоро произойдет это самое «вот-вот»? Его сиятельство Карл Осторожный умел говорить загадками даже с сыном, когда этого требовала ее величество Осторожность.

– Конечно, совсем неплохо, и даже весьма желательно было бы, если бы ты тоже отправился со мной, – задумчиво заметил курфюрст. – И если бы лично поведал кайзеру о своих злоключениях, сделав упор на том, на чем следовало бы...

«На чем тебе подскажут». Пфальцграф понимающе усмехнулся.

– ...Но твоя несдержанность, Дипольд...

Карл выдержал осуждающую паузу и лишь затем объяснил:

– При императорском дворе может навредить любое неосторожно брошенное слово. Поэтому лучше не рисковать.

– Ты никогда не рискуешь, отец, – Дипольд Гейнский скривил губы. – Но эту войну без риска не выиграть. Война с Оберландмаркой...

Его прервали. Грубо, будто зарвавшегося мальчишку:

– Войны с Альфредом Оберландским нет. Пока – нет. И не будет, покуда я не почувствую, что готов к ней. С этим тебе придется смириться, сын.

Последние слова были сказаны твердо и жестко. Неожиданно твердо и жестко для мягкого Карла. Безапелляционно это было сказано. Как стегающий по лицу удар хлыста. Как

рубящий наотмашь смертоносный удар меча. Как ставящий последнюю точку копейный удар. Что могло означать лишь одно: остландский курфюрст нутром чует опасность. Настоящую, реальную, страшную угрозу он ощущает. А когда случается такое, отец становится упрямым и неподатлив. И спорить с ним тогда бес-по-лез-но.

Дипольд тяжело дышал. Глаза пфальцграфа пылали от негодования. Но что он мог поделать? Не бросаться же на отца с мечом. Или...

«Так близко к трону»...

На отца? С мечом? Но ведь грех отцеубийства... Убийство... Кровь... В висках... И – знакомая кровавая пелена перед глазами...

Мысли путались, сердце бешено колотилось, кровь клокотала. Вообще-то в таком состоянии он, пожалуй, мог бы и броситься. И – на отца. И – с мечом. И – с потаенным ножом-засапожником, вырванным из-за голенища. Слишком велики были ярость и обида. Слишком красна пелена, помутившая разум. Помутившая, но не затмившая полностью. Да, он мог бы, если бы не стража. Не страж... Фридрих-Фердинанд не ... если бы...

Нет, сейчас следовало зажать рвущийся гнев в кулаке и держать, что есть сил. Крепко держать... Не отпускать... Переждать следовало, перемучиться, перемаяться, сколь бы не было это тягостно.

Телохранитель отца – настороже. И если Дипольд поддастся губительному порыву... Нет, убить его, разумеется, не убьют. Едва ли курфюрст позволит своему цепному псу пролить кровь единственного наследника. Дипольда просто обезоружат и вышвырнут из приемной залы как щенка. Быть может, бросят под замок. И доверительных бесед с ним Карл Осторожный, точно, вести уже не станет. А главное, отец узнает, на что он способен, к чему готов. И узнав это, будущий кайзер не позволит больше Дипольду подобраться так...

«Так близко к трону».

Пфальцграф шумно вдохнул. Резко выдохнул. Еще раз прошелся через просторную залу. От стены к стене. Звонко печата шаг. Весь скопившийся гнев бросая в ноги, в кованные каблуки и золоченые шпоры. На перевязи болтался меч, за которым – Дипольд ничуть не сомневался в этом – следили глаза отцовского трабанта. За правым голенищем, будто влитой, лежал потаенный нож в узком плоском кармашке-ножнах. Но и от него сейчас проку не будет.

– Не нужно так волноваться, Дипольд, – Карл Вассершлосский внимательно и пристально – даже, пожалуй, слишком внимательно и слишком пристально – наблюдал за ним. Телохранитель Карла – тоже. – Тебе следует успокоиться.

Отец и его гвардеец... Больше никого. Оно, наверное, и к лучшему. Потому что с гейнским пфальцграфом по прозвищу Славный разговаривали сейчас, как с неразумным ребенком.

И Дипольд все же не выдержал.

И – прорвало. То, что душило, что тяготило...

– Нельзя!!! – его крик заметался и забился раненой птицей под высокими сводами. Резкий, яростный отчаянный, угрожающий крик.

Курфюрст вздрогнул. Едва заметно, но...

Телохранитель Карла напрягся. Гораздо заметнее.

– Нельзя нам сейчас успокаиваться, отец! Никак нельзя! Успокоение сейчас смерти подобно!

– Возьми себя в руки, сын! – потребовал Вассершлосский герцог.

– В эти?.. – Дипольд оскалился – безумно по звериному. Поднял раскрытые ладони, повернул, показывая их Карлу. С одной стороны, с другой. Пусть посмотрит, батюшка, пусть рассмотрит получше натертые настоящим, боевым оружием мозоли. – Но эти руки даны мне не для того, чтобы сдерживать себя. Эти руки жаждут иного. Сразить врага! Поквитаться с Оберландом!

Карл молчал, чуть сведя брови. Курфюрст слушал, не перебивая.

– Так поквитаться, чтобы под пальцами захрустели глотки, – все больше и больше ярился Дипольд. А руки снова сжимались в кулаки. Сами собой. – Чтобы правая длань сломала кадык чернокнижному маркграфу, а левая выдавила всю, до последней капли, поганую жизнь из его проклятого магиера! Ибо если не будет так – будет иначе. Наоборот будет, отец! Если наши руки первыми не дотянутся до горла Верхней Марки, если мы сразу, сейчас же, без промедления, не передавим оберландцев, то стальная хватка железных големов свернет шею всему Остланду! И шею свернет! И переломит хребет! И сокрушит ребра!

Все.

Сказано.

Дипольд замолчал, хрипло и жадно дыша. Воздух, слова, запал кончились...

## Глава 4

Остландский курфюрст Карл Осторожный долго и испытующе взирал на сына. Былая невозмутимость не ушла полностью с его лица, но словно бы отступила на время, приоткрыв что-то простое, искреннее, человеческое...

Во взгляде Карла неодобрение и осуждение мешались сейчас с отцовской тревогой, жалостью и сочувствием... Было как-то неловко, не по себе от такого взгляда. Дипольд вдруг увидел себя со стороны – глазами родителя. Вот он стоит посреди необъятной залы, перед могущественным отцом, как перед несправедливым судьей, – раскрасневшийся, дрожащий от ярости, со сжатыми и воздетыми к потолку кулаками, с искаженным лицом, с глазами, горящими безумным блеском. Смешной и страшный одновременно. Та еще картина...

А неподвижная статуя за высокой спинкой курфюрстового кресла-трона, оказывается, уже сменила позу. Верный трабант стоит теперь чуть ближе – у правого подлокотника. И ладонь телохранителя не просто лежит на рукояти меча, но крепко сжимает оружие.

Значит, Фридриху-Фердинанту пфальцграф смешным не казался.

Пауза затягивалась. Сверх всякой меры. Шли секунды. Одна, вторая, третья...

Карл Осторожный, наконец, нарушил молчание:

– Ты всегда был непозволительно горяч, сын, но сейчас...

Курфюрст наморщил лоб, подбирая подходящее определение, и никак не мог найти то самое слово, которое верно выразило бы его чувства. И нехорошие предчувствия.

– Сейчас ты стал каким-то...

Снова повисла пауза.

– Каким, отец? – прохрипел-поторопил Дипольд.

Каким он стал?!

В горле у пфальцграфа пересохло. И першило, и саднило в горле так, будто стальная хватка оберландского голема, о которой он только что пророчествовал... будто она уже...

Говорить было трудно.

– Другим, – вздохнул Карл. – Другим ты стал.

И добавил – мягко, осторожно:

– Я не знаю, что именно в тебе изменилось, сын, я не знаю, что с тобой сделали там, в Оберландмарке, но...

– Что изменилось?! Что сделали?! – Дипольд аж скрежетнул зубами. Лютая злоба вновь переполняла его и рвалась наружу. – А как ты сам думаешь, отец, что может сделать со свободным человеком благородного происхождения заточение в клетке? Как может изменить рыцаря, привыкшего к мечу в руке, позорная цепь на ногах?

И опять Карл смотрел на Дипольда. Внимательно, не отрываясь, долго... Томительно долго. Потом негромко и задумчиво произнес:

– В Остланде говорят: тот, кто попадает к Альфреду Чернокнижнику, назад не возвращается, а если такое все же произойдет, то вернувшийся ступит на порог своего дома иным человеком. До сих пор я не особо верил в эти сказки, но теперь...

Курфюрст вдруг сбился, судорожно сглотнул. Невозмутимый Карл Осторожный более не считал нужным скрывать своей печали и боли. В глазах курфюрста блеснула влага.

Невиданное, немыслимое доселе зрелище!

– Что теперь, отец? – спросил пфальцграф – уже не столько взбешенный, сколько растерянный и сбитый с толку.

– Сдается мне, все так и есть, Дипольд... Я вижу перед собой сына. И я не узнаю его. Нет, не так... Не узнаю до конца, прежнего – не узнаю. Или, быть может, узнаю с той стороны,

которой не видел и не знал в тебе раньше. Понять не могу, в чем тут дело и как такое возможно, но сердцем чую. Все ли с тобой в порядке, мой мальчик?

«Мой мальчик?!» Что за телячьи нежности?! Поведение отца начинало не просто озадачивать – пугать. Старее курфюрст? Или замыслил какой-то подвох? Или все же дело в другом? В отцовской любви, которую прежде Карл не особенно-то и выказывал?

– Со мной все будет в полном порядке, когда сдохнут маркграф и его магией, – фыркнул Дипольд. – А заодно – все прочие оберландские свиньи...

– Когда сдохнут, говоришь? – переспросил Вассершлосский герцог. – Маркграф. И магией...

Отчего-то Карл выделил именно магией.

Курфюрст хмурился. Блеска влажной пелены в его глазах Дипольд больше не видел. Вместо нее в очах отца теперь посверкивала непреклонная решимость. Тоже, в общем-то, редкое явление для осторожного остландца, привыкшего укрывать от чужих взоров свои истинные чувства и помыслы.

– А знаешь, возможно, ты прав, сын, – задумчиво произнес Карл. – Сдается мне, все дело в этом магии. Наверняка, проклятый прагсбуржец опутал тебя своими колдовскими тенетами, которых сам ты попросту не замечаешь. И я надеюсь, смерть Лебиуса, действительно, развеет темные чары и принесет успокоение в твою смятенную душу, а мне вернет прежнего сына. Я очень на это надеюсь, Дипольд...

Пфальцграф промолчал. Дипольд ни в коей мере не разделял нелепого предположение отца. Он не верил в возможность околдовать человека исподволь, тайком – так, чтобы тот ничего не заметил и не догадался о свершенном над ним магическом действе. Но сейчас-то важно было другое: Карл проникся, наконец, нужным настроением!

Дипольд видел, как крепко пальцы отца сжимают широкие подлокотники. Вон, аж фаланги побелели! Прежде ничего подобного он за своим сдержанным родителем не замечал. Можно было только догадываться, какая буря бушует в сердце курфюрста, если несокрушимая броня напускного спокойствия Карла Осторожного дает такие трещины.

– Война с Верхней Маркой будет, – откинувшись на спинку кресла-трона, остландский курфюрст объявил об этом как о деле решенном. – Но, поскольку нам придется иметь дело с опаснейшим противником, к войне этой мы станем готовиться так, как я сочту нужным.

Лицо пфальцграфа дернулось. Губы искривились. Глаза полыхнули недобрый блеском. Карл этого не заметил. Не счел нужным замечать:

– К кайзеру я отправлюсь сегодня же. Мои гвардейцы поедут со мной. С верной гвардией при императорском дворе я чувствую себя спокойнее. Сам понимаешь, двор – это настолько м-м-м... непредсказуемое место.

Дипольд понимал. Двор Его Императорского Величества – такое место... А курфюрст Карл Осторожный всегда должен блюсти осторожность. В особенности, находясь... «Так близко к трону» находясь.

– В Вассершлосе я оставляю...

Карл повернулся к неподвижной, закованной в латы статуе-телохранителю. Сказал-приказал-позвал:

– Фридрих!

«Ага, значит, все-таки Фридрих, – отметил про себя Дипольд. – Не Фердинанд»

Статуя ожила. Выступила из тени кресла.

– Да, ваше сиятельство, – Фридрих склонил голову. Голос старого вояки прозвучал негромко, придавленно-хрипло, бесцветно. Зато отчетливо звякнул гибкий доспех трабанта. Чешуйчатая броня на кожаной основе, открытый шлем с чешуйчатыми же наушниками и наза-тыльником. Бесстрастное обветренное лицо, усеянное шрамами и трещинами морщин, тоже казалось продолжением защитной чешуи. Слово... М-да...

«У каждого правителя, мечтающего о большем, нежели ему дано, имеются свои верные големы», – невольно подумалось Дипольду.

– В мое отсутствие Фридрих побудет с тобой, сын, – сообщил Карл. – Он хороший и преданный слуга...

«Преданный тебе, отец, но не мне», – мысленно уточнил Дипольд.

– ...непревзойденный воин и умудренный жизненным опытом муж.

– Но зачем? – насупился пфальцграф. – Зачем мне твой Фридрих? Если потребуется, я смогу защитить себя сам.

– Не всегда, – покачал головой Карл. – Не от всякого врага.

– Я смогу... – упрямо заявил Дипольд.

– И все же тебе может понадобиться совет Фридриха и...

– И?

– И его присмотр.

Ах, вот оно что! Пфальцграф выдохнул сквозь сжатые зубы:

– А я полагал, что не сегодня-завтра отправлюсь к себе в Гейн.

– Нет, Дипольд, до моего возвращения ты останешься здесь. Твой Гейнский замок подождет.

– Понятно...

Все ему теперь было понятно. После одного заключения – другое. Мягкое, ненавязчивое, почетное, без подземелий, клеток и цепей, но от того не менее горькое. Кажется, отец всерьез опасался предоставлять вернувшегося из плена «иноного» (так ведь его охарактеризовали?) сына самому себе.

– Мы еще не обсудили план предстоящей кампании против Оберландмарки, – заметил курфюрст. – Когда я вернусь от императора...

Дипольд только скривил губы. Не в том причина. Ох, не в том!

Карл вздохнул, сокрушенно покачал головой:

– Ты сильно изменился, сын, – будто оправдываясь перед капризным ребенком, проговорил он. – Очень сильно. Сейчас, как никогда, ты склонен к совершению необдуманных поступков.

Дипольд усмехнулся:

– И, следовательно, мне нужна опека? Нянька?

«Или нет, – скорее уж достаточно крепкая рука, чтобы схватить при необходимости мою руку, покуда я не натворил чего-нибудь «необдуманного», – злые, невысказанные мысли текли бурным неудержимым потоком. – Схватить, а, быть может, даже отсечь – все зависит от приказа, который получит (или уже получил?) остландский человек-голем по имени Фридрих. И все, разумеется, мне же во благо. Во имя великой цели. Во спасение меня, такого изменившегося и неразумного... Что ж, спасибо за доверие, отец».

– Не нужно дуться, Дипольд, – негромко произнес курфюрст. – Нежелательных пересудов не возникнет. О том, что к тебе приставлен Фридрих, в замке не знает и не узнает никто.

Как будто это что-то меняло!

Говорить им было больше не о чем. Прощаться, соблюдая все необходимые формальности, не хотелось. Крутанувшись на каблуках, Дипольд направился к двери. Шагал быстро, шумно, с мстительным злорадством царапая шпорами плиты пола.

Карл кивнул гвардейцу.

Фридрих последовал за пфальцграфом.

Он не был уже ни недвижимой статуей, ни неслышной тенью. Дипольд отчетливо различал за спиной позвякивание чужого доспеха.

Шаг – звяк. Шаг – звяк...

«Проклятый голем во плоти! Пес цепной! Безродный выско»...

И вдруг – часто, сильно, громко. Хлоп... Хлоп... хлопанье за узким высоким окном-бойницей:

«...чка!»

Странный шум сбил и прервал яростный ток мыслей. Дипольд повернулся к окну.

Он видел стремительное движение Фридриха, разворачивающегося в прыжке, собственным телом пытающегося прикрыть одновременно и пфальцграфа, и курфюрста. От бойницы прикрыть, от арбалетного болта, который мог влететь снаружи.

Видел Дипольд и меч гвардейца – молнией высверкнувший из ножен клинок, готовый срубить любого, кто сунется в залу.

А еще пфальцграф заметил черное крыло. Кончик крыла, точнее. Едва успел заметить...

И после – услышал... Где-то вверху, над окном, над крышей – пронзительный, похожий на смешок, вороний «К-карк-х!».

«Воронье уже кружит в небе Остланда, – с горечью подумал Дипольд. – Чует поживу воронье. Даже неразумные птицы понимают то, чего никак невозможно втолковать отцу!».

Гейнский пфальцграф скорым шагом покинул приемную залу Карла Вассершлосского.

Фридрих, удостоверившись, что опасности нет, быстро догнал Дипольда.

И снова, как ни в чем не бывало: шаг – звяк за спиной.

Шаг – звяк...



## Глава 5

Дипольд наблюдал за отъездом отца из закрытой верхней галереи, опоясывающей могучий донжон и нависающей над внутренним замковым двором. Наблюдал через хорошо защищенную и безопасную, по мнению Фридриха, бойницу. По мнению Фридриха!.. Ненавистная опека начиналась. Карл Осторожный уезжал, но гвардеец отца стоял рядом, дабы исполнять волю курфюрста. Стоял, следил, сторожил, оберегал ...

Больше поблизости никого не было. Ни души. И сама галерея, и примыкающие к ней покои Дипольда были отделены от остальной цитадели запертыми дверями. Страже, расположившейся у входов снаружи, Фридрих строго-настрого наказал никого не впускать наверх. Ну да, безопасность и покой курфюрстова сына, вернувшегося из плена – превыше всего.

Дипольд хмуро созерцал знакомый пейзаж. Водной крепостью, замком на воде твердыня герцога Вассершлосского<sup>7</sup> названа не случайно. Еще бы! Вокруг – только водная гладь, да редкие пятна небольших рыбацких лодчонок. Обширное озеро, питаемое бесчисленными родниками и притоками, представляло собой преграду более надежную, нежели обычный крепостной ров. В центре огромного водоема располагался каменистый остров, на котором и высился замок Карла Осторожного. Омываемая со всех сторон водой цитадель Вассершлосского герцога была столь же неприступна, как горное логово Альфреда Оберландского, слившееся со скальной породой.

Из островной крепости хорошо просматривалась береговая линия. Темная полоса вырубленного леса. Куцые огородики и наделы. Небольшие клинышки отвоеванных у густой чащобы, малопригодных для земледелия, но все же засеянных полей и делянок. Рыбацкие поселения в пять-шесть домов, обнесенные глухими частоколами со стороны суши, а с озером, словно пуповиной, связанные хлипкими дощатыми мостками и причальниками. Казармы дальнего – берегового – гарнизона. Сторожевые вышки... Берег находился на расстоянии выстрела из крупной бомбарды, каковые были установлены на четырех угловых башнях вассершлосской крепости и на стенах между ними.

Озерный замок Карла Осторожного соединял с сушей единственный мост, установленный на сваях и тянувшийся от самых ворот. Длинный – не в одну и не в две дюжины пролетов, прочный, надежный. До поры до времени надежный, ибо при малейшей опасности мост разбирался в считанные минуты, после чего над водой оставались сиротливо торчать лишь выморенные, почерневшие концы крепких дубовых кряжей, вбитых глубоко в илистое дно. В случае же крайней нужды и при недостатке времени единственную дорогу к замку нетрудно было взорвать: пороха потребовалось бы совсем немного.

Вот по этому-то мосту и покидал сейчас свою крепость остландский курфюрст. Овеянный славой прошлых веков фамильный златокрылый грифон – герб, который Дипольду приходилось делить с отцом – трепетал на ветру. Курфюрста сопровождала многочисленная свита. Гвардейцы, оруженосцы, слуги... Процессия, растянувшаяся от начала до конца моста, двигалась неторопливо, сторожко. Как всегда, впрочем. Большому конному отряду выехать из замка по тесному дощатому настилу не так-то просто. Случалось уже, что неумелые всадники на боязливых лошадях ломали низенькие перильца и падали в воду.

Зато и ворваться в Вассершлос с наскока практически невозможно. Вероятно, потому твердыню Карла Остландского не штурмовали еще ни разу. Нет дураков! Длинные, узкие мостки находятся под неусыпным наблюдением стражи – как на самом острове, так и на береговых подступах. И команда расторопных плотников, готовых на раз-два раскидать по бревнышку пролет-другой, несет дежурство круглые сутки. И пороховые бочонки для подрыва

---

<sup>7</sup> Вассер – вода, шлос – замок, дворец (нем.).

дощатой тропки к замку всегда припасены. Так что дорожка эта неприятелю заказана. А другого пути на остров-крепость – нет.

Зимой, когда встает лед, и мороз более чем на локоть сковывает водяную гладь вокруг острова-крепости, никакому врагу сюда тоже не пробраться. Конницу через окрестные леса – по непролазным сугробам, засекам да буреломам – не провести. Бомбарды и обозы – не проташить.

По воде штурмовать Вассершлос – опять-таки – гиблое дело. На рыбачьих лодках большой отряд к крепостным стенам не перебросить. Разве что десяток-другой стрелков. Да ведь и тех потопят прежде, чем утлые челны ткнутся носами в островную твердь. А большим кораблям тут взяться неоткуда. Хоть и питают Вассершлосское озеро множество безымянных ручейков и речушек, все они – мелкие, бурные, порожистые, извилистые и к судоходству непригодные. Мало того, в верхнем, и в нижнем течении речушки эти перекрыты плотинами. Если вражеский флот и способен добраться до вотчины Карла Осторожного, то исключительно волоком. Что, в общем-то, непосильная задача даже для опытного магиера.

Конечно, если рассуждать теоретически, то ради одной-единственной переправы-штурма можно было бы и на месте сбить абы-какие плоты или большие лодки. Но это – дело долгое, кропотливое, к тому же в крепости имеются бомбарды, которые достанут до береговых верфей или уже при спуске на воду разнесут в щепу любой крупный плот или судно. Измором осажденных тоже не взять: нехватки воды на острове ощущаться не будет никогда, а изобилием рыбы Вассершлосские озера славятся на весь Остланд.

Все! Отряд отца миновал, наконец, мост, въехал в лес и скрылся из виду... Выждав еще несколько минут, Дипольд повернулся к няньке-стражу.

– Фридрих, мне тоже нужно покинуть замок, – надежды на успех было мало, но пфальцграф все же постарался, чтобы его голос звучал властно и твердо, чтобы сам тон сказанного отбивал охоту возражать. – Я уезжаю немедленно. Сейчас же.

Это – первая проверка. На крепость. На волю. Попытка показать, кто есть кто. И она, увы, провалилась.

– Сожалею, но это невозможно, ваша светлость, – с вежливым спокойствием ответил гвардеец. Он был уверен и в своей силе, и в своем праве.

Дипольд скрежетнул зубами. Такого вояку, как и островной замок, взять с наскока трудно. Да и длительную осаду отцовский трабант тоже выдержит успешно. И все же...

– Фридрих, я должен... – нахмурился Дипольд. – Отец слишком медлителен в вопросах войны, а значит, решать быстро и поступать решительно теперь должен я. Понимаешь, должен! Следует срочно собирать войска, которые можно собрать сразу, и выступать в поход, пока не...

– Позволю себе заметить, его сиятельство не медлителен, но мудр и осторожен, – со всей мягкостью, на которую он был способен, перебил Фридрих. – А я... я тоже скован долгом и словом, данным вашему отцу. Мне надлежит быть при вас.

– Ну и прекрасно! – Дипольд решил зайти с другого бока. – Ты ведь можешь отправиться со мной. Можешь спокойно нести при мне свою службу. Я буду только рад этому...

– Нет, не могу, ваша светлость. На этот счет у меня имеются четкие указания от его сиятельства. Ваш отец не желает, чтобы вы покидали Вассершлос до его возвращения. Возможно, через неделю... быть может, через две...

– О чем ты говоришь, Фридрих! – взорвался Дипольд. – Неделя?! Две?! У меня... у всех нас нет столько времени. Действовать нужно сейчас!

– Нельзя, – прозвучал бесстрастный ответ. – Вам – нельзя. Мне очень жаль, ваша светлость.

– Плен? – криво усмехнулся Дипольд. – Все-таки плен? В замке собственного отца. Плен и персональный тюремщик? Так?

– Нет, – коротко ответил Фридрих. Но тут же честно добавил, как и подобает солдату:  
– Пока нет.

– Пока? И что же это, значит, позволю спросить?

– Я получил приказ защитить вас, – с каменным лицом и стеклянными глазами неподкупного служаки отчеканил гвардеец. – В первую очередь, защищать от вас самих же, от ваших необдуманных поступков. Для этого его сиятельством мне предоставлены самые широкие полномочия. Вплоть до...

– Темница? – сощурил глаза Дипольд. – Цепь и клетка?

На этот раз ему не ответили.

Вернее, ответили не сразу.

– Господин курфюрст редко ошибается, – после долгой паузы произнес, наконец, Фридрих.

Дипольд больше не слышал в его тоне прежних солдафонских ноток. Посеченный в битвах ветеран говорил обычным человеческим голосом. Голосом умудренного наставника, дающего дружеский совет.

– Я привык ему доверять, – говорил старый гвардеец. – И я прошу вас не упрямиться, а тоже полностью довериться его сиятельству. Поверьте, он не желает вам зла. Господин курфюрст любит вас, как только может любить отец сына. Возможно, он показывал свою любовь не часто, но это так. И все, что делается сейчас, делается ради вашего же блага.

Еще пауза. Еще уточнение:

– И ради блага Остланда, разумеется.

Снова – недолгое молчание.

– И ради блага империи тоже.

«Ну, кто бы сомневался! – усмехнулся про себя Дипольд. – Куда же без блага империи, во главе которой скоро встанет мой батюшка-благотвор».

Вслух он сказал иное.

– Видишь ли, Фридрих, то, что, по мнению отца, хорошо для империи, не всегда устроит меня, – дрожащим голосом, едва сдерживая подступающую ярость, произнес Дипольд. – А потому я предпочитаю сам добиваться своего счастья. Я лучше отца и, уж несомненно, лучше тебя знаю, в чем сейчас заключается для меня наивысшее благо. Мечь – вот в чем. Мечь за унижения и позор, который довелось пережить некоему благородному пфальцграфу по прозвищу Славный.

– Мечь следует вершить на холодную голову, ваша светлость, – заметил Фридрих.

– Карлу Осторожному – возможно. Но не мне. Моя мечь горяча, как раскаленный в кузнечном горне клинок, и со временем становится лишь горячее. Если ее не залить кровью, если не остудить ее, она – я чувствую это! – сожжет меня изнутри. Сгрызет, пожрет. Мне этого не нужно. Так что, пока отец раскачивается, я намерен мстить. Альфреду Чернокнижнику. Лебиусу Прагсбургскому. Всей Оберландмарке. Равно как и тем, кто по своей или чужой воле пытается мне в этом воспрепятствовать. Подумай об этом, Фридрих, крепко подумай. Твой господин стареет. А со стариками... даже с осторожными стариками, даже со стариками-курфюрстами, даже со стариками-императорами... а с императорами – так, пожалуй, в особенности, всякое может случиться. Разное может случиться. Я же – молод. И я умею ценить верность не хуже отца. И оказанных услуг я не забываю. А потому очень прошу тебя, Фридрих, не становись у меня на пути. Дай мне возможность уехать сейчас, чтобы не жалеть о своем упрямстве потом.

– Ваша светлость никуда не поедет, – сухо ответил гвардеец. – По крайней мере, до возвращения его сиятельства.

Ох, до чего не хотелось бы!.. Видит Бог, Дипольду вовсе не хотелось прибегать к последнему, крайнему средству. К постыдному, внезапному удару без предупреждения, без надлежа-

щего вызова. Но, видимо, средства этого не избежать. Только так он мог избавиться от навязчивой опеки и от присмотра, сковывающего руки.

Одолеть опытного ветерана-гвардейца в честном поединке никаких шансов нет – это Дипольд понимал прекрасно. Что ж, ради высшей цели... ради святой мести он готов был поступиться даже законами чести. В конце концов, с ним ведь тоже поступили бесчестно. Разве нет?

– Я вижу, с тобой говорить бесполезно, Фридрих, – со вздохом разочарования, выдавил Дипольд. – Ладно, пусть будет по-твоему. Подожду отца, а уж там как сложится...

Пфальцграф понурился, сгорбился, опустил плечи, усыпляя бдительность гвардейца. С видом полной покорности мерзавке-судьбе Дипольд медленно отвернулся и от бойницы, и от стража. И...

И резко повернулся снова.

А вот так?!

Еще в развороте Дипольд вырвал из ножен меч – стремительно, молниеносно.

А вырвав – ударил. Как казалось, внезапно, неотразимо. Рубанул, что было сил. Прямо в невозмутимое, иссеченное морщинами и шрамами лицо отцовского трабанта.

## Глава 6

Зь-зь-звяк!

Звон и скрежет. Словно из воздуха между клинком пфальцграфа и лицом Фридриха возник меч гвардейца. Как?! Когда?! Откуда?! Этого Дипольд ни заметить, ни понять не успел. Но и отступить он не собирался. Некуда было уже отступить. Да и не хотелось.

И вновь знакомая кровавая пелена перед глазами.

Жгучая злость и ярость, заставляющие дрожать каждый мускул.

Дипольд ударил снова. Но это – так, отвлекающий удар. Потом – смена позиции, выпад с хитрым финтом.

Звяк! Звяк! Клинок Фридриха на долю мгновения опережал меч пфальцграфа и неизменно оказывался в том самом месте, где быть его не должно.

Звяк! Звяк! Звяк! Дипольд, взрываясь от бессильного гнева, рубил и колол.

Звяк! Звяк! Гвардеец пока лишь оборонялся. Но делал это мастерски. Да, Карл Осторожный знал, кого следует брать в телохранители. И кого приставлять к непокорному сыну с горячим и непредсказуемым норовом.

Проклятье! То, на что так рассчитывал Дипольд – неожиданность нападения, не сработало. Он отскочил, тяжело дыша, приноравливаясь, с какого боку напасть снова.

– Будьте любезны, уберите оружие, ваша светлость, – холодно попросил гвардеец. Дыхание его было ровным и размеренным. Похоже, Фридрих не подвластен ни чувствам, ни усталости. Действительно, не человек – голем, закаленный годами битв и тренировок! – В противном случае, я вынужден буду вас обезоружить до приезда его сиятельства.

– Да? В самом деле? – Дипольд ощерился. – Только обезоружить? Убивать меня, как я понимаю, тебе не велено. Ну что ж, Фридрих, тогда давай продолжим. Я могу убить тебя, ты меня убить не можешь. И как, по-твоему, чья возьмет?

– Моя, ваша светлость, – спокойно ответил Фридрих. – Вы хороший воин, но вы слишком горячи. К тому же у меня в подобных делах больше опыта. Больше прожитых лет за плечами. И сражений много больше, чем турниров на вашем счету. А потому не принуждайте меня...

Дипольд принудил. Он атаковал снова. Нечеловеческое – звериное рычание взбешенного пфальцграфа. Свист рассекаемого воздуха. Звон стали о сталь.

– ...забирать силой...

Еще звон. И еще.

– ...ваше оружие.

Говорить и фехтовать одновременно способны немногие. Только лучшие из мечников. Тем более, так невозмутимо говорить. И так хладнокровно фехтовать. Не сбивая дыхания, не допуская ошибок.

Фридрих мог. Умел. И, как оказалось, не только это.

Звяк!

Хруст. Вскрик.

Выбитый мощным ударом сверху вниз, под самый эфес, клинок Дипольда летит на каменные плиты. Сам пфальцграф хватается за кисть правой руки. Нет, не перелом, не вывих, не разрыв хрящей и связок. Но боль жуткая. И рука – пуста!

Глухое ругательство, выцезенное сквозь зубы...

А Фридрих уже поднимает с пола меч пфальцграфа.

И возвращать оружие хозяину явно не собирается.

– Извините, ваша све...

Извинения, звучавшие вполне искренне, без тени насмешки, вдруг были прерваны на полуслове шумным хлопанием больших черных крыльев в полутьме пустой галереи. В соседнем пролете. Буквально в нескольких шагах.

Опять ворон? Как тогда? Как в приемной зале отца?

Дипольд и рассмотреть-то толком птицу не смог. Фридрих же...

Фридрих повел себя странно. Более чем странно.

– На пол!

Бесцеремонный удар под правое колено и толчок в плечо повалили пфальцграфа под бойницу – в каменную нишу для стрел. Убежище, бесспорно, надежное, но вот столь непозволительное обращение...

– Да какого?! – взревел Дипольд, обозленный подобным рукоприкладством больше, чем поражением в бою на мечах. – Это всего лишь ворон!

Гвардеец не ответил. Позабыв о только что закончившемся поединке, с двумя мечами – своим и клинком Дипольда – наголо телохранитель и страж (но телохранитель, все же, в первую очередь!) пфальцграфа уже бежал по галерее. Туда – к мечущейся в полумраке птице.

Фридрих, конечно, не успел. Темный комок перьев вывалился из угловой бойницы. Выпорхнул из донжона.

Дипольд вскочил с пола, подбежал к гвардейцу. Потребовал объяснений:

– В чем дело, Фридрих?!

Отцовский трабант был хмурым, сосредоточенным, собранным. И, явно, не расположенным к долгим беседам. Но и Дипольд отступать не собирался.

– В чем дело, я тебя спрашиваю!

– Пока не знаю, ваша светлость. Ворон по доброй воле не залетит в человеческое жилище.

– Если почует труп – залетит, – Дипольд покосился на мечи в руках телохранителя. Оба клинка были заметно иззубрены.

Фридрих пропустил злую остроту мимо ушей. Добавил озабоченно:

– К тому же с этим вороном что-то не так.

– Что?

Этот вопрос Дипольда тоже проигнорировали.

– Я должен идти, – задумчиво пробормотал гвардеец. – Нужно расставить арбалетчиков у бойниц ...

– Будешь охотиться на воронье? – фыркнул пфальцграф.

– ...А вам, я полагаю, лучше пока не выходить из своих покоев без крайней нужды.

– Да мне плевать, что ты полагаешь! – Дипольд заводился по новой. Вслед за отцом и этот ландскнехтский выскочка обращался с ним как с ребенком. Хуже чем с ребенком!

– Ваша светлость, я получил приказ оберегать вас от любых неприятностей. И приказ этот я выполню, даже если мне придется применять по отношению к вам силу, – сказано это было как бы между прочим. Как само собой разумеющееся. Думал же сейчас Фридрих о чем-то ином. Не о Дипольде – это точно.

Не выпуская мечей, гвардеец выглянул из бойницы. Посмотрел вверх, выискивая встревожившую его птицу. Затем – вниз, где на внешних стенах лениво прохаживались стрелки дневной стражи. Только кликнуть стрелков он так и не успел.

Да, в первую очередь Фридрих был телохранителем. Хорошим телохранителем. Очень хорошим. Слишком хорошим. На свою беду. Озаботившись неведомой опасностью, он невольно подставил спину тому, кого обязан был защищать и оберегать.

Меча у пфальцграфа не было – об этом Фридрих, конечно же, знал, поскольку сам держал меч Дипольда в левой руке. Но гвардеец не подозревал о ноже, спрятанном в правом сапоге пфальцграфа. А если и подозревал – то в эту минуту напрочь забыл о своих подозрениях.

Пока Фридрих обзирал небеса, Дипольд извлек оружие из-за голенища. Когда гвардеец перевел взгляд на стены замка, Дипольд уже стоял над трабантом с занесенным засапожником. И ни опыт, ни чутье, ни воинское искусство не могли уже спасти Фридриха.

Небольшое изогнутое лезвие пропороло шею, словно специально подставленную под нож. Бритвенно-острая сталь вошла в щель между чешуйчатым воротом панциря и назатыльником шлема. Удар был сильным и точным, безжалостным и умелым. И удар достиг цели. Рассечены мышцы и артерии. Перебита кость в основании черепа. И – предсмертный хрип вместо крика. И – агония. И – все. И – одним верным гвардейцем у Карла Осторожного меньше.

Дипольд рывком втянул обмякшее тело обратно в бойницу – еще до того, как кровь хлынула вниз. Глубоко вдохнул. Выдохнул... Да, совсем не по-рыцарски получилось. Да, нечестная ему в этот раз досталась победа. Но ведь и Фридрих – не представитель древнего благородного рода, а всего лишь презренный ландскнехт, поднятый из грязи прихотью отца. И тут не ристалище. И никто не видит. И никто не узнает. И конечная цель слишком важна, чтобы привередливо перебирать самые доступные и простые средства. И потом, по-рыцарски все равно бы у него уже не вышло. Его рыцарский меч находился у Фридриха...

Дипольд вытер нож об одежду убитого, сунул обратно за голенище. Решительно тряхнул головой. Конечно, резать своих, остландских воинов, лучших, надо признать, воинов, которых разумнее было бы использовать иначе – препаскуднейшее дело. Но если не резать нельзя? Если только через труп Фридриха можно обрести свободу действий. И приступить, наконец, к тому, с чем медлит отец. И с чем медлить никак нельзя. Ему, Дипольду Славному – нельзя. А все остальное пусть горит огнем.

И снова откуда-то изнутри поднималось знакомое и успокаивающее ощущение правильности происходящего.

Правильно! Все было правильно! Все он сделал правильно!

Дипольд Гейнский вновь верил в себя и в свою правоту. И в душе не оставалось места для сомнений и угрызений совести. Тело наполнилось силой и бодростью, сердце – непоколебимым спокойствием, в голове царила кристальная ясность мыслей.

Дипольд улыбался. Чрезмерно любопытный и неведь откуда взявшийся ворон оказал ему неоценимую услугу. Ну, а Фридрих... Что Фридрих? Отцовского трабанта найдут не сразу. Заходить в галереи, примыкающие к покоям пфальцграфа, запрещено и благородным обитателям замка, и челяди. Фридрихом же и запрещено. Но кто знает о том, что крепость нельзя покидать Дипольду? Только отец и Фридрих.

Отца сейчас в Вассершлосе нет. Фридрих – мертв. Значит, самое время уехать с опостылевшего острова.

Улыбка пфальцграфа становилась все шире. Нет, его ждут не постыдное бездействие и прозябание в четырех стенах с арбалетчиками у бойниц. Дипольда Славного ожидают более славные дела...

К удивлению привратной стражи, гейнский пфальцграф неожиданно пожелал выехать на прогулку в гордом одиночестве. Бывший пленник Альфреда Оберландского не взял с собой даже приставленного к нему отцовского гвардейца. Каким-то образом смог не взять.

Подкованные копыта лучшего жеребца, выбранного Дипольдом в замковых конюшнях, глухо простучали по деревянному настилу моста. На берегу конь беззвучно ступил в мягкую мшистую землю. А уже несколько секунд спустя деревья скрыли от замковой стражи фигуру одинокого всадника. Дипольд прицокнул, вонзил шпоры в упругие лошадиные бока. Жеребец легким галопом понесся по протоптанной лесной тропе.

Стражники неодобрительно качали головами, вполголоса предрекая Фридриху, столь неосмотрительно отпустившему курфюрстова сына без охраны, большие неприятности. Но ни замковая стража, ни пфальцграф не обратили внимания на черную точку в небе. Ворон, следовавший за Дипольдом Славным, летел высоко и молча.



## Глава 7

На стрельбище, обустроенном в небольшом распадке между каменистых горных склонов, выстраивалась очередная шеренга из десяти человек. Альфред Оберландский, в сопровождении нескольких слуг и оруженосцев, неторопливо прохаживался за спинами застрельщиков. Поигрывая магией оптической трубкой, маркиграф осматривал непривычное снаряжение и придирчиво наблюдал за выучкой солдат.

Да, тут было на что посмотреть. В руках у каждого стрелка были новый длинноствольный хандканнон, изготовленный в мастератории Лебиуса, и сошка-подставка для ведения огня с упора. На правом плече – подушка, смягчавшая немалую отдачу при выстреле. На боку – сумка с боеприпасами. На груди – широкая перевязь с кармашками для готовых зарядов. На поясе – узкий граненый клинок, короче эстока-штехера и кончара, однако длиннее мизерекордии и панцербрехера. Еще не меч, но уже не кинжал, а по сути своей ни то и ни другое.

В рукопашном бою такой штырь-жало с рукоятью винтообразной формы можно использовать как обычное клинковое колющее оружие, а можно вкрутить в специальную резьбу на конце ствола и намертво соединить с хандканноном, обратив его тем самым в тяжеловесное, но все же довольно эффективное подобие копья, а стрелка – в пикинера. Еще одно хитроумное и весьма полезное изобретение, вполне в духе прагсбургского колдуна. «Штих»<sup>8</sup> – так именовал это меч-копье сам Лебиус.

Капитан застрельщиков заметно нервничал. Суетился под пристальным взглядом холодных глаз маркиграфа, размахивал почем зря своим коротким кончаром и без особой нужды покрикивал на подчиненных, уже занявших позиции напротив мишеней и изготовившихся к залпу.

Мишенями сегодня служили изрядно побитые и расщепленные пулями поленья, выставленные на камнях. Далеко, между прочим, выставленные – на добрых три сотни шагов. Не из всякого арбалета всадишь стрелу в такую цель, да на таком расстоянии. Но магией хандканноны настолько же превосходили по дальности и точности боя обычные ручницы и самострелы, насколько новые пушки Лебиуса, установленные на стенах оберландского замка, оказались совершеннее старых бомбард.

И все же к любому новому оружию следовало привыкнуть, приноровиться и обучиться должному обращению с ним. А потому специально отобранные лучшие оберландские стрелки, лишь недавно сменившие свои шумные, но бестолковые фитильные ручницы на дальнобойные хандканноны Лебиуса, неустанно упражнялись в стрельбе. Вот и сейчас...

Положив длинный тяжелый ствол на воткнутую в землю сошку, уперев в наплечную подушку изогнутый плоский приклад и прильнув правой щекой к деревянному ложу, стрелки ждут последней команды капитана. Стоят чуть пригнувшись. Левый глаз – прикрыт, правый – ловит цель крохотным бугорком-мушкой, расположенным над дульным срезом и еще до выстрела указывающим траекторию полета пули.

Все это – и чудовищная длина ствола, и рогатая сошка, и приклад, и мушка – было пока в диковинку. Но самое главное новшество заключалось в том, что для выстрела больше не требовалось тлеющего фитиля. Ну, то есть совсем!

Лебиус снабдил свои хандканноны особым огнем. При нажатии на небольшой загнутый крюк, который торчит из-под деревянного ложа, с крепления над ложем срывается молоток-зажим на тугой пружине. А сорвавшись – с силой бьет по усеянной бороздками-насеками стальной крышке, запирающей пороховую полку с небольшой выемкой в центре. Бьет –

---

<sup>8</sup> Stich – укол, колющий удар (нем.) Отсюда – и название штыка. Кстати, первые штыки-байонеты не крепились к стволу снаружи, а именно вставлялись в него.

одновременно приподнимая и сдвигая крышку. Благодаря укрепленному в «молоточке» кремневому отщепу, при ударе высекается снап искр. Порох на полке мгновенно воспламеняется, и огонь через затравочное отверстие поджигает заряд в стволе.

Зажим с кремнем, стиснутым двумя железными бляшками, внешне напоминал птичий клюв. Вероятно, по этой причине пражбургский колдун назвал свою ручницу шнабель<sup>9</sup> И, надо признать, кремневый клюв клевал столь же безотказно и смертоносно, как жалили магиевские «змеи».

Новый самопальный механизм оказался удобным в использовании, более эффективным, нежели фитиль или палительная свеча, и в то же время на удивление простым и надежным. Если Лебиус и использовал при изготовлении своих ручниц какие-то магическо-алхимические ухищрения, то в минимальных количествах. Ну, разве что искр чудо-огниво его хандканнонов давало больше, чем возможно было выбить с помощью обычного кремня и кресала, а само при этом не изнашивалось. Да к прочному стволу совершенно не приставал пороховой нагар, по причине чего оружие, вне зависимости от количества произведенных выстрелов, практически не нуждалось в чистке. Да еще магиевский порох отличался от привычного огненного порошка: он напоминал, скорее, россыпь мелких гранул, вспыхивал сильнее и ярче, сгорал быстрее и придавал забитому в ствол бондоку большее ускорение. В остальном же... В остальном – никакой магии.

Небольшие и мягкие свинцовые пули не несли в себе смертоносной начинки, как пушечные чугунные гранатусы. Однако сами по себе эти бондоки размером не более райского яблочка обладали невиданной убойной силой, способной свалить, пожалуй, даже заморского зверя-великана элфанта. С трех-четырех сотен шагов пуля, выпущенная из длинноствольного кремневого хандканнона, проламывала любой щит и насквозь пробивала тяжелый рыцарский доспех (это уже было испытано). А с шести сотен – убивала наповал человека в легкой броне (и это – испытано тоже). Нужно было только научиться попадать в цель с такой дистанции. Но ведь для этого и существуют учебные стрельбища...

Любопытно, что магиевские бондоки внешне напоминали не шарик, а, скорее, колпак или каску с небольшими полями. Отлитые из свинца по единой форме, но со вставленным посередине небольшим конусообразным кусочком железа, будучи по размерам чуть меньше диаметра ствола, такие пули при зарядании легко входили в дуло шнабеля. Во время выстрела же – и в этом заключалась основная хитрость – пороховые газы вминали в мягкий свинец железную вставку-конус, от чего края бондока расширялись, подобно вздутой ветром юбке и плотно прилегали к внутреннему ствольному каналу. А поскольку «клювы»-огнестрелы Лебиуса так же, как и его пушки-«змеи», имели изнутри особую спиралевидную нарезку, пуля вылетала из магиевского хандканнона, вращаясь с невообразимой скоростью и неслась, будто подстегиваемая тысячей бесов, точно к цели.<sup>10</sup> При этом отсутствие правильной шарообразной формы ничуть не мешало в полете диковинному вытянутому снаряду, а возможно, в некоторой степени даже и способствовало.

Кстати, необычные кремневые самопалы и заряжались довольно непривычным способом. Первым делом из сумки на боку или из кармашка перевязи на груди стрелок доставал пулю, к которой сзади был прикреплен цилиндрический бумажный мешочек с уже отмеренным пороховым зарядом. (Особую «огнестрельную» бумагу – прочную, непромокаемую и полностью, практически без остатка, выгорающую при выстреле – мастератории Лебиуса производили в достаточном количестве). Далее следуют несколько несложных операций. Сначала надкусывается бумажный хвост под пулей. На затравочную полку высыпается небольшое коли-

<sup>9</sup> Schnabel – клюв (нем.).

<sup>10</sup> В данном случае описывается принцип действия так называемой пули Минье, простой в изготовлении, эффективной в бою и чрезвычайно популярной в начале-середине девятнадцатого века до распространения казнозарядного стрелкового оружия.

чество пороха. Затем полка закрывается крышкой, а надорванный пакетик с зарядом отправляется в ствол – бондоком вверх.<sup>11</sup>

Благодаря заранее расфасованному по бумажным пакетам пороху, все происходило быстрее, чем, к примеру, натягивается тетива тяжелого арбалета. Значительно дольше десятку оберландских стрелков, выстроившихся напротив изрешеченных поленьев-мишеней, пришлось ждать заключительных команд своего капитана.

Капитан же, в свою очередь, ожидал знака от маркграфа.

Альфред Оберландский, наконец, кивнул: можно...

– Гто-о-овсь!

Капитан застрельщиков поднимает к небу прямой граненый клинок.

Альфред поднес смотровую трубку к лицу. И махонькие мишени – вот они теперь, приближенные магией оптикой практически вплотную, разросшиеся неимоверно. Все десять...

– Стре-е-е!.. – оглашает стрельбище новая протяжная команда.

– ...е-е-е!.. – секунду или две нарастает, силится, звенит в ушах зычный голос капитана. И...

– ...ляй! – краткий, резкий, лающий выдох-выкрик.

Одновременно правая рука командира дает отмашку. Короткий штих-кончар рассекает воздух, словно усердный капитан своим оружием, предназначенным исключительно для нанесения колющих ударов, пытается кого-то разрубить надвое.

– ...ай-ай-ай!

«Бу-бу-ух-ух-ух!»...

Эхо команды, перебиваемое дружным залпом.

«...ух-ух-ух!»...

И им же множимое.

«...ух-ух!»...

Грохот. Дым...

Но еще прежде, чем густое белое облако закрыло обзор, Альфред увидел, как деревянные колоды подпрыгнули, брызнув щепой во все стороны, повалились, покатались по камням. Из десяти поленьев на прежнем месте осталось стоять лишь одно. Капитан, осыпая отборной руганью промахнувшегося стрелка, погнал нерадивца заново расставлять мишени.

Свита за спиной тихонько перешептывалась. Альфред смотрел сурово, однако в душе ликовал. Девять попаданий из десяти! С трехсот шагов! В столь невеликие цели!

К стрельбе готовился следующий десяток.

– Ваша светлость, – осторожно позвал кто-то из слуг за спиной. – Заряжено... Извольте...

Ага, теперь застрельщикам придется немного подождать. Не оборачиваясь, Альфред протянул назад смотровую трубку. Оптический прибор тут же приняли расторопные и осторожные руки, а в раскрытую ладонь маркграфа легла рукоять малого магией хандканнона, вполне пригодного не только для пехотинца, но и для всадника.

Оружие это – также снабженное запальным огнивом – было легче, короче и изящнее длинноствольных ручных бомбард и обладало меньшей убойной силой. Вести прицельную стрельбу на большом расстоянии из укороченного шнабеля весьма затруднительно. Зато им можно управляться одной рукой, стрелять с седла, не отпуская повод, и в ближнем бою – с трех-четырех десятков шагов – валить любого противника.

---

<sup>11</sup> Первые бумажные патроны, значительно ускорявшие процесс заряжания, использовались испанскими мушкетерами с середины шестнадцатого века. В семнадцатом столетии они уже применялись практически во всей Европе. Правда, пуля была круглой, ствол мушкета – гладкий, без нарезов, а выполнявшая функции пыжа бумага, конечно же, не сгорала дотла.

Магиерский кремень воспламенял затравочный порох, зажатый под крышкой полки, исправно и без осечек. Винтообразные бороздки в стволе раскручивали пулю, придавая ей дополнительное ускорение. Удобная рукоять с массивным, окованным железом яблоком-набалдашником позволяла легко выхватывать короткую ручницу из седельного чехла и служила в вытянутой руке противовесом для небольшого, но все же достаточно тяжелого ствола. Кроме того, рукоять могла при необходимости использоваться в качестве палицы.

Лебиус обещал снабдить такими кавалерийскими хандканнонами всю легкую оберландскую конницу. Пока же укороченная ручница была изготовлена в единственном экземпляре и имелаась только у маркграфа. Сегодня Альфред пожелал испытать ее лично. Как обычно – на особых мишенях. На живых.

Чуть в стороне от застрельщиков, разносивших в щепу сухие поленья, уже лежало два трупа. Первый – в простенькой кольчуге. Вторым – в прочной чешуйчатой броне. Оба доспеха – пробиты насквозь в нескольких местах. Но то, что добротные латы основательно попорчены – не беда: Лебиус быстро и качественно чинил любую броню. Из магиерских мастераторий поврежденные доспехи возвращались даже лучше, чем были прежде.

А уж о людях, становившихся под пули, Альфред Оберландский печалился еще меньше. В переполненных замковых темницах народу хватало с избытком даже после того, как Дипольд насмерть потравил дымом целое узилище. К тому же, магиер просил для своих опытов трех свежих покойников. И оруженосцы маркграфа как раз выводили на стрельбище третьего... Третью мишень. Живую пока. В полном рыцарском доспехе. Надежном, прочном. Кажущимся таковым.

От страха, истощения и непривычной тяжести лат узник двигался неловко и неспоро. Приходилось подгонять: сзади нерасторопного упряма слегка постукивали шестопером по наплечникам, кирасе и шлему. Шума было много, толку – мало. Простолудин, впервые в жизни облаченный в настоящую рыцарскую броню, от грохота пугался еще больше. И все меньше понимал, что от него требуется. Под поднятым забралом затравленно бегали отвыкшие от солнечного света слезящиеся глаза. Узник в ужасе смотрел то на своих застреленных предшественников, то на маркграфа с диковинным хандканноном в руках.

Пленника, закованного в латы, как в цепи, наконец, поставили между двух трупов. Альфред подошел ближе. Пообещал – как тем двоим:

– Стой смирно. Уцелеешь – отпущу.

И с лязгом опустил забрало на шлеме мишени.

Человек за смотровой щелью заныл, завсхлипывал, заскулил. Маркграф, безразлично скривив губы, отвернулся. Начал отсчитывать шаги.

Раз. Два...

Лебиус утверждал, что с тридцати шагов малый шнабель гарантированно пробьет любой, даже самый крепкий доспех. «Рыцарские латы – это все-таки не броня голема, ваша светлость», – говорил прагсбургский колдун.

Пять. Шесть...

Да, колдун говорил, но слова его еще предстояло проверить на деле. На теле. На человеческом теле, заключенном в прочную доспешную скорлупу. Альфред хотел знать наверняка, на что способно новое оружие. На что оно способно с тридцати шагов. И с пятидесяти. И – с двадцати. И – с десяти – тоже. Так что этот, в латах, сегодня уцелеет едва ли.

Десять. Одиннадцать...

Оруженосцы поспешили отойти подальше от скулящей мишени. Всякое случалось. Опасные рикошеты – тоже. Мишень обреченно скулила в одиночестве. Все громче, сильнее...

Двадцать три. Двадцать четыре...

А облаченный в латы узник уже был в голос. Приглушенный шлемом плач разносился над притихшим стрельбищем.

Двадцать девять. Тридцать.

Хватит...

Маркграф прицелился, держа укороченный хандканнон на вытянутой руке – подальше от лица. «Попадет? Не попадет?» – отстраненно подумалось о запертой в стволе пуле. Попадет, куда денется... Три десятка шагов – не три сотни. И неподвижная массивная человеческая фигура в рыцарской броне – не кусок полена. К тому же Альфред Оберландский уже имел основания считать себя достаточно опытным стрелком.

Указательный палец мягко нажал изогнутый крючок под рукоятью.

Щелчок. Звонкий стук кремня о крышку пороховой полки. Искры. Вспышка...

«Бум-ш-ш!» Выстрел – шипящий, не очень громкий. Толчок в руку – не очень сильный. Дым – не очень густой. И – сразу же...

Глухой надсадный вскрик-взрык из-под опущенного забрала. Обвешанная железом мишень, нелепо дернув руками, повалилась навзничь. Грохнулась всем телом. Живой она уже не была: в кирасе – аккуратно под левым наплечником – зияла кровоточащая дыра. Закованный в латы человек больше не шевелился и не скулил.

Лебиус не обманул. Обычные латы, действительно, не способны противостоять магиерскому оружию. С видом глубокого удовлетворения Альфред протянул слугам дымящуюся ручницу-шнабель и, приняв от них взамен смотровую трубку, вновь направился к застрельщикам.

Десять человек с тяжелыми длинноствольными хандканнонами – заряженными и уже уложенными на сошки, замерли в напряженных позах. Бледный капитан нерешительно переминался с ноги на ногу.

– Продолжайте, – благожелательно кивнул маркграф.

Капитан взмахнул штихом-кончаром. Дал протяжную команду.

– Гто-о-овсь!

И следующую – почти без перерыва:

– Стре-е-еляй!

Грянул залп. На этот раз в мишени попали все десять стрелков. За спиной Альфреда послышался одобрительный гомон. Что ж, было чем восхищаться. Мо-лод-цы!

– Ваша светлость, – знакомый скрипуче-вкрадчивый голос помешал высказать заслуженную похвалу вслух. – Позвольте вас потревожить.

Маркграф обернулся. Притихшая свита расступилась, словно раздвинутая незримой рукой. Возле Альфреда Оберландского стоял Лебиус Марагалиус. Как всегда – в сопровождении неусыпной стражи. Магиерский капюшон, закрывавший бледное лицо, склонился в выжидательном поклоне.

– Колдун? – маркграф насторожился. – Есть новости?

– Да, ваша светлость. Дипольд...

– Что о нем известно? – Альфред оживился. – Пфальцграф еще гостит у отца?

– Нет, ваша светлость. Карл Остландский отправился к императорскому двору. Дипольд тоже покинул Вассершлосский замок.

– Уже? – удивленно шевельнул бровями маркграф. – Так быстро? Надо же! Я-то полагал, курфюрст постарается удержать Дипольда от скоропалительных решений и необдуманных поступков.

– Он старался. Похоже, Карл Осторожный почуял неладное, однако не желает возбуждать у других каких-либо подозрений относительно сына.

– Разумно, – одобрил Альфред. – Огласка и ненужные слухи могут сейчас сильно навредить Карлу. Могут даже лишить его императорской короны, на которую он так рассчитывает.

– Дипольда не бросили в темницу, но ограничили его свободу и круг общения, – продолжал магиер. – Карл доверился только одному человеку – лучшему трабанту из своей гвардии.

Курфюрст приставил его к сыну. Однако даже Карл Осторожный недооценил ярость и исступление, бурлящие в душе гейнца.

– Ну-ка, ну-ка? – заинтересовался маркграф. – Что там у них произошло?

– Чтобы уехать из Вассершлосса, Дипольду пришлось переступить через кровь. Через остландскую кровь, ваша светлость, – уточнил Лебиус. – Дипольд убил отцовского трабанта.

– Ишь ты! – Альфред прицокнул языком. – Интересно, как Дипольд с ним управился? Я немало слышал о гвардейцах Карла, и, насколько мне известно, этих головорезов голыми руками не возьмешь.

– Пфальцграфу помог присмотрщик.

– Присмотрщик?! – изумился Альфред. – Ворон?!

– Да. Присмотрщик случайно... – насмешливым тоном, краткой, но выразительной паузой и многозначительным хмыканьем Лебиус выделил последнее слово, – совершенно случайно появился в нужный момент в нужном месте. А Дипольд не преминул воспользоваться выпавшим случаем. Он напал на своего стража сзади. Зарезал засапожным ножом...

– Ага, значит, рыцарская честь для нашего благородного пфальцграфа уже ничего не значит? – усмехнулся Альфред.

– Дипольдом движут более глубинные чувства и более сильные страсти, ваша светлость, – серьезно ответил Лебиус.

– Ну, вот и замечательно, вот и пусть движут. Нам, насколько я понимаю, это только на руку?

– Совершенно верно, ваша светлость.

– Что намерен делать гейнец сейчас? – спросил после некоторого молчания Альфред.

– В данный момент он направляется в свой замок. Я полагаю, пока Карл ведет переговоры с кайзером, Дипольд начнет спешно и тайне от отца собирать войска. Думаю, пфальцграф найдет немало союзников и единомышленников, так что войну следует ожидать в самое ближайшее время. Скоро в ваши владения вступит остландская армия под предводительством Дипольда Гейнского.

– Но мы ведь готовы ее встретить, колдун? – проницательный взгляд маркграфа уперся в густую тень магистерского куколя.

– Да, ваша светлость. Готовы. Уже сейчас готовы. А к началу войны будем готовы еще больше.

– Что ж, – Альфред улыбнулся, – пока все идет в точности по твоему... по нашему плану. И пока я тобой доволен, Лебиус. Пока.

– Благодарю вас, ваша светлость, – склонился капюшон.

– Твоими хандканнонами я, кстати, доволен тоже. Славно клюют.

– Благодарю, ваша...

Властным взмахом руки Альфред пресек недоговоренную фразу. Указал смотровой трубкой на убитых:

– Эти три трупа – твои. Ты просил – можешь забрать.

– Благо...

– Хватит, – поморщившись, вновь оборвал маркграф. – Ступай, колдун. Не теряй времени. Работай. Ибо скоро в мои владения вступит остландская армия. С его светлостью Дипольдом Гейнским во главе. Нужно обеспечить гостям достойный прием.

## Глава 8

Разумеется, начал он с гейнского края, полновластным хозяином которого являлся. Край, в общем-то, невеликий. Чтобы объехать владения Дипольда Славного, гонцам на резвых скакунах потребовалось двое суток. Тем не менее, вассальных крепостей и замков, принадлежавших мелким баронам и рыцарям, а также малых бургов, городишек и поселений, всецело зависевших от воли пфальцграфа, здесь хватало. Так что уже на исходе третьего дня к замку Дипольда начали стягиваться многочисленные отряды.

Это было отборное конное войско, не обремененное ни медлительной пехотой, ни громоздкими обозами, ни артиллерией. Таково было распоряжение пфальцграфа: выступать во всеоружии, но налегке, повозки оставлять, но брать с собой побольше лошадей.

В том был свой резон. Перейти оберландскую границу следовало как можно скорее. Во-первых, – чтобы застать Альфреда Чернокнижника врасплох и не дать маркграфу возможности должным образом подготовиться к войне. Во-вторых, – спешить нужно было, чтобы походу не успели воспрепятствовать ни император, ни остландский курфюрст.

Последствий проявленного своеволия Дипольд не опасался. Если задуманное удастся, гнев отца и, тем более, немощного кайзера будет уже не страшен. Победителей, как известно, судить не принято. Если же ему предстоит сгинуть в горах Верхних Земель, тем более – какая разница?

Двигались к Оберландмарке, однако, не самой прямой дорогой. Покинув гейнские владения, Дипольд намеренно делали крюки по землям соседей, каждый раз высылая впереди войска гонцов. Посланцы пфальцграфа на неутомимых лошадях скакали в замки благородных и влиятельных остландцев, павших от рук механического голема на Нидербургском турнире, а также в замки их родственников. И – неизменно возвращались с хорошими вестями.

Остландские графы, бароны и рыцари, жаждавшие, как и сам Дипольд Славный, скорой мести, спешили примкнуть к гейнской армии. А поскольку каждый новый союзник стоял во главе сильных конных дружин – своих, своих вассалов, родни и верных друзей – то войско в пути разрасталось как тесто на дрожжах. Вдвое. Втрое. Вчетверо...

Первыми на зов Дипольда откликнулись дядя погибшего под Нидербургом Генриха-Медведя – барон Людвиг фон Швиц, чей щит также украшал фамильный медвежий герб, и отец павшего на той же ристалищной бойне графа Альберта Арнольд Клихштейн. Дипольд сердечно принял обоих, ибо это были те соратники, о которых можно только мечтать.

Людвиг и мощью, и статью, и смелостью, и боевым задором напоминал своего достойного племянника. Арнольд же являлся полной противоположностью сыну, не блиставшему, увы, ни умом, ни отвагой, ни воинской выучкой. Седовласый, пожилой, однако крепкий еще граф рвался в бой не хуже иных молодых. В меру рассудительный, но в то же время охочий до драки, решительный и неустрашимый, он сразу пришелся по сердцу Дипольду. «Мне бы такого отца», – не раз и не два поймал себя на этой мысли пфальцграф, откровенно завидуя покойнику Альберту.

Фон Швиц и Клихштейн привели с собой многочисленные рыцарей, слуг, оруженосцев и конных стрелков. А потом – и вовсе повалило, как из рога изобилия. Весть о походе летела впереди войска, слухи распространялись по Остланду и окрестностям, словно круги по воде. Благородные рыцари выдвигались навстречу армии Дипольда, не дожидаясь призыва гейнских гонцов. Желающих поквитаться с Чернокнижником за былые обиды – явные и мнимые, а заодно снискать себе в предстоящих сражениях неувядающую славу, оказалось даже больше, чем предполагал пфальцграф.

Новообретенные союзники охотно вступали под знамена Дипольда. Многие при этом искренне полагали, что боевые стяги с остландским златокрылым грифоном, реявшие над вой-

ском, косвенно выражают одобрение предстоящей кампании со стороны курфюрста восточных имперских земель. Дипольд не спешил развеивать это неверное, но весьма выгодное заблуждение.

Вслед за бескорыстными мстителями и искателями славы к армии пфальцграфа небольшими конными группками потянулись легкие на подъем, охочие до поживы и нутром чующие запах жаренного авантюристы. Обедневшие однощитные рыцари и не нашедшие достойной службы наемники-рейтары жаждали не столько расправы, возмездия и справедливой кары над Чернокнижником, сколько куска пожирнее при дележе оберландской добычи. Таких «союзников» пфальцграф тоже не гнал. Алчные наемники в большинстве своем были опытными воинами, и Дипольд обещал озолотить после победы каждого участника похода.

«Вот так это делается, – не без гордости думал пфальцграф, окидывая взглядом походную колонну всадников, разбитую на отряды и «копья», пестрящую знаменами, гербами и банерами. – Делается быстро, решительно, без проволочек. Пока отец раскачается, проклятый Чернокнижник и его магии будут втоптаны в грязь, а Верхняя Марка обретет нового хозяина. А что? Его светлость пфальцграф Гейнский и маркграф Оберландский – звучит неплохо».

Рыцарская конница, не отягощенная обозными хвостами, двигалась скорым маршем. Пропитание себе и фураж лошадям воины добывали в пути. А то, что позади оставались вычищенные подчистую крестьянские закрома и опустошенные купеческие лавки... Ну что ж, дело военное, дело походное. Недовольные селяне и торгаши пусть ищут заступы у своих синьоров или отправляют жалобщиков в имперские суды. Но вообще-то чернь тоже должна понимать: под остландскими стягами идут не какие-нибудь мародеры, а доблестное воинство, которому предстоит раз и навсегда покончить с клятым Чернокнижником. Грех не покормить такую рать в походе.

Единственной серьезной проблемой, по мнению Дипольда, являлось полное отсутствие в войске артиллерии. Ему уже довелось видеть замок Альфреда Оберландского, слившийся со скалой и из скальной же породы вырастающий, и Дипольд понимал: без пушек под такими стенами делать нечего. К тому же орудия могли бы изрядно поспособствовать в борьбе с големами змеиноного графа. Вряд ли толстая броня механического рыцаря устоит против ядра осадной бомбарды.

Впрочем, насчет бомбард у Дипольда имелись кое-какие мыслишки. Собственно, и не мыслишки даже, а хорошо продуманный план. Он знал, как не тащить за собой тяжелые орудия по остландской территории, но в Верхние Земли вступить с неплохим артиллерийским обозом. Всего-то и нужно было – добраться до Нидербурга и войти в него. Богатейший город, расположенный на границе с Оберландмаркой, по всей империи и за ее пределами славился своими пушками и мастерами-бомбардирами<sup>12</sup>.

Дипольд помнил многочисленные орудия, густо и грозно торчавшие с городских стен. Крепостные бомбарды, правда, не помогли тогда – на нидербургском турнире, на ТОМ САМОМ турнире, зато они пригодятся теперь. Пусть нидербуржцы тоже внесут свою лепту в разгром опасного соседа. Орудийными стволами, обученной прислугой, повозками, ядрами, порохом и прочим потребным для огненного боя припасом и инструментом.

А уж из Нидербурга до Верхней Марки – рукой подать. Альфред Оберландский доvez до городских стен своего голема, а после – доставил его обратно. Значит, и нидербургские пушки поднимутся к горному логову змеиноного графа.

Кстати, и пеших наемников-ландскнехтов богатый приграничный город тоже сможет выставить немало. И черного рабочего люда, опять-таки. Без черни и пехоты осаждать замок Чернокнижника будет трудновато. Не благородным же остландским рыцарям выполнять грязную работу по обустройству лагеря, возводить валы и ставить туры...

<sup>12</sup> В средние века зачастую мастер, изготовлявший бомбарду, становился при ней же и бомбардиром.



Ну, а если горожане вдруг заупрямятся, если не захотят добром отдать то, что от них требуется? В таком случае придется отыскать убедительные доводы. Пусть тогда нидербуржцы ответят за то, что под стенами их города был пленен Дипольд Славный.

Вот только бы вступить за эти самые стены...

К счастью, это оказалось нетрудно...

Оставив войско на подступах к Нидербургу, Дипольд отправился к распахнутым главным городским воротам в сопровождении малой свиты, не внушавшей опасений. Полтора десятка всадников с гейнским пфальцграфом впереди, следовавшие под стягом с остландским грифоном, вызвали у привратной стражи, скорее, почтительное изумление, нежели подозрения и настороженность.

Гейнцы подъехали к воротам.

Дальнейшие события разворачивались столь же стремительно, сколь и неожиданно для нидербургских стражников. Два рыцаря Дипольда остановили рослых коней у тяжелых воротных створок – впритирку, так, что не было уже никакой возможности их закрыть. Еще двое загородили подступы к вороту подъемного моста, переброшенного через ров, и к цепям тяжелых кованых решеток, нависающих сверху. Остальные в два счета обезоружили и оттеснили от воротной арки ошеломленную стражу.

Потом – суматоха, встревоженные крики, запоздалые метания...

И над всем этим – протяжное гудение сигнального рога.

Сигнала ждали. И на сигнал отреагировали. На горизонте возникла стальная лавина. Конница Дипольда Славного неслась к открытым городским воротам во весь опор.

По остландскому войску никто стрелять не решился. Немногочисленная дневная стража и хваленые нидербургские бомбардиры в смятении покидали стены. Вскоре вооруженные всадники заполнили улицы. Это мало походило на вступление в город союзнической армии. Скорее уж – на штурм с наскока, на грубый, стремительный и решительный натиск.

Рыцари Дипольда не встретили сопротивления. Баррикад перепуганные нидербуржцы не возводили, с крыш высоких – в два-три этажа – домов не летели камни и стрелы, отряды городской стражи и гарнизонных наемников-ландскнехтов не спешили перегораживать тесные проходы плотными шеренгами и оборонительными рогатками. Всюду царили паника и смятение. Горожане в ужасе разбегались перед неведомым откуда взявшимся воинством, прятались по домам, лавкам и подвалам. Рассеянные по улицам стражники и ландскнехты бросали оружие и сдавались целыми десятками.

– Змеиный граф! Змеиный граф в городе! – сдуру орали то тут, то там. Орали так, будто в Нидербурге, действительно, со дня на день ожидали появления Чернокнижника.

Слух разнесся по городу молниеносно, окончательно сломив волю к сопротивлению. Когда же ситуация прояснилась, город полностью находился во власти гейнского пфальцграфа. И Дипольд воспользовался обретенной властью, не мешкая. Железо следовало ковать пока горячо, пока первый страх переполошенных бюргеров не улегся...

## Глава 9

Переговоры состоялись на рыночной площади – опустевшей, обезлюдившей, со всех сторон окруженной гейнцами. Простые горожане сюда не лезли, проявляя должное благоразумие. Обезоруженная городская стража и ландскнехты, не оправдавшие надежд нанимателей, тоже скромно держались в стороне и предпочитали ни во что не вмешиваться.

Несколько повозмущалась и покуражилась – больше, правда, для виду – городская знать, чья немногочисленная свита, запершись в неприступных домах синьоров, не дала себя разоружить. Правда, узнав о планах Дипольда, отпрыски древних родов, обосновавшиеся в Нидербурге, приняли сторону пфальцграфа. Благородные нидербуржцы пожелали присоединиться к остландской армии и отправиться в поход против ненавистного Чернокнижника. Только вот пользы от таких союзников было, в общем-то, немного.

Проблема заключалась в том, что кроме своих смехотворно малых дружин и собственных мечей благородному, но, увы, небогатому сословию города предложить было нечего. Артиллерия, ради которой затевался весь сыр-бор, как и склады с орудийными припасами, как и пушечных дел мастера, как и наемники, вкупе со всей городской стражей, находились в подчинении бургграфа и городского совета.

Бургграф в городе отсутствовал. Рудольф Нидербургский, лишившийся дочери в день злопамятного турнира, покончил с собой, а Карл Осторожный, являвшийся прямым сюзереном отнюдь не вольных нидербургских земель, по своему обыкновению медлил с назначением нового градоначальника. Так что всеми делами Нидербурга заправлял совет, большую часть которого составляли торгаши, цеховики, ростовщики и прочие толстобрюхие денежные мешки. Именно на их средства содержались гарнизон и орудийная прислуга, и именно они ведали изготовлением бомбард для нужд города, а также закупкой пороха и ядер.

А истинным хозяевам артиллерии идея похода на Верхнюю Марку категорически не нравилась. Нидербургские купцы, ростовщики, главы ремесленных гильдий, владельцы цехов и мануфактур, входившие в городской совет, испуганно жались друг к другу посреди очищенного торжища и не проявляли энтузиазма по поводу предложений пфальцграфа.

Делегацию бюргеров возглавлял сухонький старичок с лысым черепом, обрамленным жидким венчиком седых волос, с большим носом и парой круглых стекляшек, нацепленных на горбатую переносицу. Это новомодное изобретение, способствующее улучшению зрения, стоило, между прочим, целое состояние. Города, в которых производились подобные диковинки, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Горбоносый старик сохранял самообладание много лучше прочих членов городского совета. Пряча бегающие выцветшие глазки за блестящими стекляшками, пожилой нидербуржец вел переговоры многословно, осторожно и дипломатично.

– Правильно ли мы понимаем, что ваша светлость желает снять с городских стен бомбарды, опустошить пороховые склады и увезти с собой пушечных мастеров?.. – трагическим голосом спросил он для начала.

– Да, моя светлость желает, – сердито бросил Дипольд. И внушительно добавил:

– Также моя светлость желает получить от города и предместий коней и повозки, пригодные для транспортировки бомбард, ядер и пороха. Еще – съестные припасы и фураж на случай долгой осады. И работников для возведения фортификаций. Кроме того, моя светлость рассчитывает присоединить к своему войску состоящих на службе у Нидербурга ландскнехтов, конных и пеших стражников и городских стрелков при полном снаряжении. И, наконец, моя светлость была бы весьма признательна, если бы городская казна выплатила вперед полугодовое жалование нидербургским солдатам, которые отправятся со мной в Верхнюю Марку.

Старик крикнул. Старик сглотнул. Старик вздохнул.

– Вы хотите забрать у города пушки, солдат, припасы и деньги... – печально произнес нидербуржец. – Но что будет с нами, если поход вашей светлости не увенчается успехом?

Бюргер выдержал небольшую паузу и, не дождавшись от помрачневшего пфальцграфа ответа, торопливо продолжил:

– Я вовсе не предрекаю неминуемого поражения вашей светлости. Я лишь теоретически – только теоретически – предполагаю худшее. Если ваше войско вдруг будет разбито, тогда наш несчастный город окажется совершенно беззащитным перед оберландским маркграфом.

Дипольд подумал, что этот скользкий и упрямый старикан чем-то неуловимо напоминает ему отца. И от того, наверное, так бесит.

– В первую очередь оберландцы придут сюда, – из-за стекляшек глаза переговорщика казались особенно большими и испуганными. – Придут с мечом, огнем, со своими механическими рыцарями и горящими жаждой мести сердцами. Вы же знаете, нидербуржские земли вплотную прилегают к границам Верхней Марки и...

Пфальцграф не дал ему договорить. В сердцах звякнул одной латной перчаткой о другую.

– Именно поэтому я и прошу... – Дипольд поморщился. Просить у этих?! Нет, тут впору требовать. А лучше забирать силой. Ладно, пусть пока... – прошу вашей помощи.

Пауза. Судорожный вздох.

– Я все же осмелюсь предложить вашей светлости отказаться от похода в Оберланд-марку, – старик дрожал, но говорил. Говорил то, что говорил... – Это крайне опасное предприятие. И к тому же даже при благоприятном исходе реальная выгода задуманной вами кампании может и не окупить всех вложенных...

– Молчать! – взревел Дипольд, вновь перебивая вовсе уж зарвавшегося бюргера.

Тот дернулся, будто напоровшись на пику. Вздрагнули и прочие члены совета.

Да, этот старик напоминал Дипольду отца, но, Слава Богу, с ним можно разговаривать иначе, чем с могущественным родителем.

– Конечно, мы готовы обсудить цену, – неожиданно вставил нидербуржец.

Цену? Какую цену?! Что за чушь?! Дипольд в недоумении уставился на собеседника. Дань? Откупные? За что? За то, чтобы его армия не переступала границы с заклятым врагом Нидербурга? Чтобы повернула назад? Этого пфальцграф взять в толк не мог. Это было как там, в маркграфской темнице, где узники-смертники отказывались бежать из собственных клеток.

– Если за плату, достойную вашей светлости, вы соизволите покинуть город... – понизив голос так, чтобы никто, кроме Дипольда, не мог услышать сказанного, продолжал старик.

– Да как ты смеешь, торгаш?! – злобно прошипел в ответ пфальцграф.

Под его гневным взглядом нидербургский переговорщик ссутулился, съежился, вжал голову в плечи. Однако не умолк.

– Прошу простить меня, если мои слова показались вашей светлости непозволительно дерзкими. Но и понять умоляю тоже! Сейчас я радею только о благополучии родного города.

– Твой город – не вольное поселение, старик, – хрипло заметил Дипольд. – Ты забыл, кому он принадлежит?

Ответ прозвучал не сразу. А отвечал старый нидербуржец, вовсе уж зажмурившись от ужаса и пригнув голову, будто в ожидании неотвратимого удара. Но ведь отвечал же, мерзавец!

– Помню, ваша светлость. Его сиятельству герцогу Вассершлосскому, курфюрсту Остландскому. Вашему мудрейшему и милостивейшему батюшке...

Дипольд скрежетнул зубами. Да, все правильно говорит старик!

– И любому его приказу, либо приказу назначенного его сиятельством бургграфа мы готовы подчиниться беспрекословно.

– Я сын Карла Остландского!

Флюиды ужаса, идущего от перепуганного горожанина Дипольд ощущал почти физически. Однако стеклоглазый бюргер не заткнулся, пока еще была возможность пойти на попятную.

– Но все же вы не властны над Нидербургом, ваша светлость, – подобострастно-приторным тоном старик пытался смягчить обидное значение сказанных слов.

– Ах, не вла-а-астен?! – протянул Дипольд.

Ладонь пфальцграфа легла на эфес меча. Стоявший... дрожавший перед ним человек пока этого не видел. Голова нидербуржца по-прежнему была склонена, а глаза – зажмурены.

– Конечно, если у вас есть грамота с печатью господина курфюрста...

«Ишь ты, грамоту ему подавай!» Пальцы Дипольда сжали рукоять меча покрепче.

– Только я не думаю, что его сиятельство одобрил бы вашу затею.

«Нет, ну каков наглец!» Отточенная сталь медленно поползла из ножен. Этого переговорщик тоже не видел. Прочие члены городского совета видели, но в ужасе молчали.

– Войско, которое идет за вашей светлостью, безусловно, велико и внушительно...

«Ну еще бы! Любое чужое войско, стучащее конскими копытами по мостовым твоего, старик, города, покажется – внушительнее некуда». Улыбка Дипольда напоминала звериный оскал.

– Но все же покорнейше прошу прислушаться к мнению умудренного жизнью человека...

«Торгаша и труса!» Правая щека пфальцграфа нервно подергивалась.

– Позволю напомнить вашей светлости, что в услужении у Альфреда Чернокнижника состоит могущественный магьер, а в дружине оберландского маркграфа появились стальные големы, которых не берут ни мечи, ни копыя. И для успешной войны с Верхними Землями нужно...

– Для войны мне нужны ваши пушки! – осадил нидербуржца Дипольд. – Я получу их и все остальное, перечисленное ранее? Отвечай старик!

Глаза гейнского пфальцграфа вновь застилала багровая пелена ярости. Он уже знал: этот дрожащий, как лист на ветру, но упрямый, как осел, престарелый бюргер уже не жилец.

– Ваша светлость! – старик, наконец, решился открыть глаза и чуть приподнять голову. Взглянул на Дипольда из-под своих стекляшек. Увидел глаза пфальцграфа. Увидел наполовину вынутый из ножен клинок. Взмолился:

– Пощадите! Мы же не можем...

– Что ж, в таком случае, смогу я.

Голос Дипольда сотрясала гневная дрожь. А вот рука, рванувшая полуобнаженный меч, не дрогнула.

Рубить по длинной сухой шее на согбленных плечах было удобно. Звонкими брызгами рассыпались круглые стекла, слетевшие с искаженного лица. Лысая голова (огромный нос-нарост, раззявленный в беззвучном крике рот, вытаращенные глаза, ровный кровавый срез под подбородком) покатила по булыжникам к опрокинутому прилавку с капустными кочанами.

Обезглавленное тело повалилось навзничь. Так, как и рассчитывал Дипольд. Шейным обрубком в сторону нидербургской делегации. Бюргеры отшатнулись, шарахнулись в сторону. Не успели... Алым фонтаном накрыло весь городской совет.

– Есть еще возражения? – спросил Дипольд, не глядя на людей в окровавленных одеждах. С кривой усмешкой и с видом глубокого удовлетворения пфальцграф смотрел на отсеченную голову старика, осмелившегося ему перечить. Голова в капустной куче сама была как диковинный кочан. Выпученные глаза еще не закатились, челюсти судорожно грызли попавший между редких зубов грязно-зеленый капустный лист.

Потом голова умерла.

– Я спрашиваю, есть возражения? – на этот раз мутный взгляд пфальцграфа обвел опеченевших бюргеров. Живых еще. Пока – живых. – Или городской совет все же уважит мою просьбу? Только прошу учесть, времени у меня мало. И терять его понапрасну я не намерен.

Возражений не было.

Войско Дипольда Славного выступало из Нидербурга, отягощенное внушительным обозом, большую часть которого составляли крупные и малые бомбарды, бомбарделлы, ручницы-хандканноны и припасы, необходимые для огненного боя. С крепостных стен были сняты все орудия – вплоть до гигантской бомбарды с нежным именем «Кунигунда», являвшейся особой гордостью нидербуржцев. Кованый ребристый ствол, в жерле которого легко мог бы укрыться человек, тянула упряжка из восьми волов. Пушка лежала на двух специально укрепленных и сбитых воедино возах.

Здесь же, в обозе, под охраной – чтобы, чего доброго, не разбежались – уныло плелись бомбардиры, орудийная прислуга, а также мастеровой и черный люд, выделенный городом для осадных нужд. За вереницей разномастных повозок, крестьянских телег и купеческих возов шагала пешая колонна нидербургских ландскнехтов, стражников и стрелков. Пехоту сопровождала сотня гарнизонных рейтаров на здоровых, откормленных лошадях. Наемники были бодры и веселы. Выплаченное вперед полугодовое жалованье и обещанная каждому доля добычи пробудили в них должный боевой дух.

Над городскими предместьями разносились тележный скрип, ржание лошадей и крики людей. Войско Дипольда Славного уходило старой заброшенной дорогой. Той самой, по которой змеиный граф привез на турнир в честь семнадцатилетия Герды-Без-Изъяна своего стального голема.

Грозная рать двигалась к границам Оберландмарки.

С незащищенных городских стен вслед удаляющейся армии неслись проклятия, высказываемые, впрочем, шепотом, сквозь стиснутые зубы.

А высоко в небе – над пылившими по старому тракту отрядами и повозками – кружил одинокий ворон.

## Глава 10

О том, что сторожевые укрепления оберландцев пустуют, передовые дозоры доложили вечером. Судя по всему, приграничные отряды Альфреда Чернокнижника, получили известие о приближении остландской армии и отступили в горы, не принимая боя. И словно бы... Словно заманивая?

Нет, ловушки Дипольд не боялся. Избежать ее помогут толковые разведчики, а таковые у него, слава Богу, имелись. Но вот осведомленность противника настораживала. Было тут над чем задуматься. Высланные далеко вперед гейнские разъезды ни разу не натыкались на врага. Они не встречали в этих безлюдных краях ни конных дозоров маркграфа, ни случайных путников, которых по приказу Дипольда надлежало рубить на месте – так, на всякий случай. В общем, узнать о надвигающейся опасности оберландцам, вроде бы, было неоткуда. Но узнали ведь! Как? От кого? От тайных лазутчиков, рыскающие по Остланду в поисках полезных сведений? Или тут дело в магических штучках Лебиуса?

Дипольд велел ставить ночной лагерь по эту сторону границы – на остландской земле. Прежде чем вступать на вражескую территорию, следовало дожидаться отставших, подтянуть пехоту и обоз, отдохнуть, набраться сил для последнего рывка. А уж там... а уж потом...

Пока же, дабы не тратить времени понапрасну, пфальцграф созвал военный совет. Не то, чтобы Дипольд особенно нуждался в этом шумном и никчемном мероприятии. Вне зависимости от мнений многочисленных союзников, все было предрешено. На рассвете войско войдет в Оберландмарку, а закончится поход лишь под стенами маркграфской крепости. Точнее – в самой крепости. В горном логове Чернокнижника. Либо победой закончится, либо... Нет, должна быть только победа. На меньшее Дипольд не согласен.

Да, все уже предрешено. Но – традиция. Неписанный закон и нерушимое правило. Возможность высказаться о предстоящей кампании надо дать каждому, кто имеет на это право. Это не страшно. Это даже пойдет на пользу: польстит самолюбию предводителей разрозненных отрядов, позволит им отчетливее ощутить причастность к общему делу и сплотит ряды разношерстного воинства.

Походный шатер пфальцграфа – громадный, тяжелый, расшитый золочеными грифонами – по размерам едва ли уступал небольшой замковой зале. Однако и он едва вместил всех участников совета.

Стола внутри не было: не время нынче для застолий. Только сбитые наскоро лавки стояли вдоль стен – длинные, легкие, крытые шкурами, а в центре, под дымоходным отверстием, багровели угли очага и горели два трескучих факела, воткнутых в землю между сдвинутых ковров. Тем не менее, оруженосцы Дипольда рассаживали знатнейших рыцарей остландского воинства вокруг этих огней как на званом пиру. Каждый занимал место согласно титулу, древности рода, личным заслугам и количеству приведенных воинов.

Все предводители союзных дружин были в сборе. Все при оружии, гордые, с сосредоточено-торжественными лицами, готовые к долгому и бурному обсуждению. Наверняка, у каждого имелось, что сказать. И каждый желал высказаться первым. Пока же гости негромко и степенно переговаривались друг с другом о малозначащих вещах, искоса поглядывая на хозяина шатра – хмурого, задумчивого, смотревшего в огонь походного очага, а не на лица соратников.

Люди расселись по лавкам. Гомон сменился выжидательной паузой. Пора было начинать. Дипольд поднял голову, собираясь произнести надлежащие слова приветствия...

Помешали.

Непонятный шум, возня и крики у самого шатра прервали так и не начавшееся совещание.

– В чем дело?! – раздражено рявкнул Дипольд.

Откинулся входной полог. Перепуганный начальник стражи доложил:

– Капитан нидербургских арбалетчиков, ваша светлость. Рвется сюда. Говорит, важное дело, не терпящее отлагательств. Ему уже объяснили, что вы заняты, и тревожить вас никак невозможно, а он...

– Впустить! – коротко распорядился пфальцграф.

Если дело, действительно, важное, следует выслушать нидербуржца. Если нет – капитан арбалетчиков пожалеет о своем вторжении в столь неподходящий момент.

Участники военного совета с неприязненным любопытством уставились на невысокого, жилистого, темноволосого человека средних лет, переступившего порог шатра. Нидербуржец был одет в толстую стеганую куртку, изрядно засаленную, залатанную на рукавах и пропахшую потом. Ни арбалета, ни колчана со стрелами при нем не было. Только на широком ремне висел крюк-коготь для зарядания легкого самострела. Под обоими глазами капитана нидербургских стрелков багровело и наливалось. Будут синяки. Видимо, результат доходчивых объяснений стражи, оберегавшей шатер пфальцграфа...

В левой руке стрелок мял берет, похожий на хлебную лепешку. В правой держал грязный холщовый мешок. В мешке лежало что-то большое и увесистое. Непокрытая голова арбалетчика, согбенные плечи, неуверенно-суетливые движения выдавали в нем простолюдина. «Наемник-ландскнехт, – решил Дипольд. – Или какой-нибудь разорившийся ремесленник с острым глазом и твердой рукой, развивший в себе талант меткого стрелка и подавшийся в городскую стражу».

Пфальцграф поморщился. Не любил он все же такую публику. Выскочки из низов всегда раздражали Дипольда. Чернь должна знать свое место. Впрочем, тот факт, что безродный стрелок дослужился до капитана, свидетельствовал либо о его воинских заслугах, либо о сообразительности и пронырливости.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.